

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Тот же самый Врага

ЛАНА МОРРИГАН

Любовь на века

Лана Морриган

Поцелуй врага

«Автор»

2022

Морриган Л.

Поцелуй врага / Л. Морриган — «Автор», 2022 — (Любовь на века)

В отличие от своих собратьев Илья не горит желанием обрести истинную пару. Товарно-денежные отношения — это лучшее, что может быть между мужчиной и женщиной. Яна ненавидит его все душой, ведь ОН — убийца ее отца. Один из предателей! Тот, кто лишил нормальной жизни, отобрав все: дом, детство и родительскую любовь. А теперь враг ищет ее! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лана Морриган

Поцелуй врага

Глава 1

Илья

– Спасибо, – благодарю охранника на входе.

Золотистая цепочка откинута, предоставляя свободный доступ к удовольствиям. Ко множеству стройных ножек, плотно обтянутых яркой тканью, крепких круглых задниц... да всему, что прилагается к молоденьким, готовым на многое девушкам.

– Девчонки! – приветствую я. Три девицы окидывают нас оценивающим взглядом, ожидая возможности попасть внутрь клуба. – Давай, Мит, двигай, – подталкиваю друга в спину. – Внутри их еще больше. – Мит улыбается блондинке, что ненавязчиво поправляет вырез топа, оттягивая ткань ниже, так что тонкие эластичные лямки грозятся оторваться и хлестнуть владелицу по пухлым, явно силиконовым губам. – Давно холодные вареники не жевал?

– Да я и не собирался ничего ей жевать, – смеется он, скривившись. – Хотелось бы что-то посвежее.

Перед нами распаивается дверь, по барабанным перепонкам сразу же ударяют басы.

– Чувствуешь? Это запах отличного вечера, – замечаю я.

В ноздри ударяют пары алкоголя, ядовитого парфюма, пота и возбуждения. По глазам бьет яркий свет, а в теле отдается пульсацией ритмичная мелодия, заставляя подергивать в такт головой.

– Ты стол заказал? – Мит сканирует танцпол.

– Обижаешь. Девушка. – Я вскидываю руку. – Девушка.

– Профдеформация. – Мит провожает взглядом официантку. – Оглохла. Наташенька. – Друг перехватывает девушку за предплечье и, притянув к себе, очаровательно улыбается. – К столику проводите, Наташенька, – тянет за форменную футболку, ухватив пальцами ниже бейджа. – Заказ на фамилию Коваль.

– Коваль, – лепечет она ласково, будто зная, что мы ее слышим. – Проходите, – открыто улыбается, демонстрируя ровные зубки, поманив пальцем.

– Не идет, а пишет. Ты смотри, как бедром ведет, – толкаю Мита в бок. – Appetitная девочка, но...

– ... с истекшим сроком годности, – заканчивает за меня друг, и наш хохот заглушает последние секунды угасшей мелодии.

– Отлично. – Я откидываюсь в мягком кресле. У столика идеальное расположение. Взглядом можно охватить зал полностью и не дать возможности «жертве» скрыться. – Сок, – делаю заказ. Официантка продолжает улыбаться. – Пока все, Наташенька.

Клуб из новых, и персонал еще не привык к нашим особенностям. Для многих дикость, что два мужика, пришедшие вечером развлечься, не заказывают алкоголь. В «Клеопатре» или «Прайде» никто бы не удивился, что мы не торопимся потратить внесенный депозит. Приличный, хочу заметить.

– Я ослепну раньше времени. – Мит сдвигает диванчик левее, скрываясь за колонной от навязчивых лучей прожектора. – Как тебе? – указывает глазами на парочку. Блондинки растягивают остатки коктейлей и бросают боязливые взгляды.

– Явно студентки, не удивлюсь, если первокурсницы. Слишком много усилий. В лучшем случае – бревно с глазами, в худшем – крокодилы слезки или тоскливое «Ты же мне позволишь?», – кривлюсь от перспективы.

– Смотри, как тянет через трубочку. – Мит подается вперед, положив руки на колени.

– Как?

– Жадно, – смеется он. – На второй у девчат точно бюджета не хватает. Пойду-ка пропонирую.

Друг сбегает по лестнице, пересекает танцпол, здороваясь с такими же постоянными гостями ночных заведений, как и мы. Выбирается из толпы извивающихся тел, кидает на меня взгляд, многозначительно вытаращив глаза, и «случайно» налетает на девчат, что гоняют остатки льда по стенкам высокого бокала. Вскидывает примирительно ладони, извиняется, судя по мимике. Девочки улыбаются слишком плотноядно и радостно для студенток-первокурсниц. Бармен повторяет ранее заказанные коктейли, а Мит, приложив ладонь к груди, паясничая, склоняется и торопливо скрывается в самой гуще народа.

– Ошибочка вышла. – Взлетает по лестнице и падает на прежнее место. – Это разводилы. – Отпивает крупный глоток сока и, не успев проглотить, указывает пальцем на еще одну скучающую пару.

– Ты сегодня в глазонки долбишься, друг мой, – смеюсь, прослеживая направление. – Это еще одни разводилы.

– Забьемся? – Мит протягивает ладонь и не сводит взгляда с довольно примечательной пары.

– А давай, – принимаю пари и жму руку. – Смотри, как рыженькая стреляет глазками. – Положив ладошку на невысокую спинку барного стула, миниатюрная девица с хитрым лисьим взглядом поглядывает по сторонам и что-то говорит подруге на ухо. Брюнеточка отрицательно качает головой и возвращается к напитку. – Ну, что я тебе говорил? Выбирают...

– Да подожди. – Мит жестом просит повторить сок, продолжая наблюдать.

– Ну смотри! – Я откидываюсь на спинку с видом победителя. – Дядю Илюшу не обманешь невинными глазками.

– Дядя Илюша только что принял консуматорш за первокурсниц, – ржет Мит.

– Ой, да заткнись. Спасибо, Наташенька, – благодарю я не глядя, получая стакан сока.

Рыжая проходит профессиональным взглядом по ВИП-столам, бросает взгляд на наш балкон. Брюнеточка лениво реагирует на очередные слова подруги, поднимает голову, и согласно кивая, незаметно указывает пальчиком куда-то вправо.

– Убедился? – ликую я.

– Рано еще делать выводы.

Мы открываем себе обзор, убирая кресло, придвигаем ближе к краю балкона диван, подаваясь вперед, наблюдаем.

Рыженькая плывет в указанном направлении, мило накручивая кудрявую прядь на палец. Я не удерживаюсь и произношу писклявым голосом:

– Привет, мальчики. – Рыжая останавливается напротив стола и, оставив стройную ножку, по-детски улыбается. – Смотрите, я вся невинная и впервые в подобном месте. Мне так страшно и... жарко. – Девчонка, будто слыша мои слова, обмахивается игриво пальчиками. – Можно я присяду? – частит ресничками. – Какие-то дядьки предлагали мне выпить и развlechься, но я не такая. А вы же сильные, не дадите меня в обиду? – Девичьи пальцы проходятся по предплечью одного из парней и сжимают бицепс. – Хи-хи-хи, – изображаю женский смех. – А-ха-ха-ха. Ой, я случайно упала к тебе на колени. – Девица театрально запинается, ерзает на бедрах, обвивая мужскую шею, вскакивает. – О боги. Ты видел, какой профессионализм? Она же покраснела. Во талант, – продолжаю уже своим голосом.

– Привет. – Соня, одна из нас, завсегдатаев клубов и любых ночных мероприятий, скользит ко мне на колени.

– Привет, малыш. – Касаюсь губами щеки в ответном поцелуе. Девушка протягивает накрашенные губки к Миту и, удерживая его за подбородок, оставляет алый след на губах. – Совсем охерела, прямо на моих коленях целуешь другого.

– Ой, не нуди, Коваль. Ты мне всегда говорил, что я не в твоём вкусе. – Девчонка отпивает из моего стакана сок. – Чем занимаетесь? – закидывает руку мне на плечо.

– Смотрим, как очередных идиотов разводят на бабки. – Мит стирает остатки губной помады салфеткой.

– Это вон тех типа качков? – Соня, не скрываясь, указывает рукой.

– Ага, – подтверждаю я.

– Сделаем ставки, мальчики. Я ставлю на две бутылки шампанского. Больше рыжей пигалице не вытянуть. Если выигрываю, мы едем ко мне домой и не просто пить чай, Коваль.

– Кофе? – смеюсь я.

– Секс, – закатывает Соня глаза. – С тебя три оргазма.

– Не могу, – тяну я обиженно. – Что я тебе, проститут? Мит, ты слышал? Скажи ей, что я не такой, – выпячиваю нижнюю губу, изображая оскорбление.

– Он не такой, Сонь. Три не потянет, – ржет друг. – Забывайтесь, – а сам указывает на брюнеточку, что у стойки ждет отмашки своей подруги.

– Договорились, но, если больше, ты разводишь вон того слюнтяйчика.

Соня кривится при виде залетного командировочного, в очередной раз проверяющего рукой портфель у своих ног.

– Не слишком просто? – спрашивает она.

– Не-а, – я улыбаюсь и подмигиваю в ответ другу. – Самое оно.

Когда Мит гулял по залу, я обратил внимание на мужичка с портфелем, что свободно клеил парней.

– Договорились. – Соня протягивает ладошку, скрепить спор рукопожатием. – Разбей, Митюш.

А дальше становится по-настоящему интересно.

Минут через тридцать, когда рыженькая вовсю пила первую бутылку шампанского, а Соня не прекращала поглаживать мою грудь и плечи, от барной стойки отрывается брюнеточка.

Девочка оказывается выше, чем я себе представлял, с изящной тонкой фигуркой.

– Нравится? – наигранно легко мурлыкает на ухо Соня, проследив за моим взглядом.

Короткий топ скрывает грудь, шею и руки брюнетки, обнажая мраморную кожу живота.

– Нет, не люблю, когда женщина гремит костями. – Я не вру, действительно, девушки с формами больше привлекают мое внимание. Но эта брюнеточка выделяется из общей массы кукол, наполняющих клуб, и пока не могу сказать, чем именно. – Приятно, когда ладонь ложится на мясо, – хватаю Соню за задницу. – А не как у тебя. – Пересаживаю девушку рядом с собой на диван, открывая себе обзор. – Начинается.

Перед глазами разыгрывается настоящий спектакль. Рыжая вскакивает из-за стола, оставляя парней, кидается в объятия брюнеточки, изображая случайную встречу. Естественно, парни сразу приглашают подругу к столу. Спустя пять минут официантка оставляет на столе бутылку коньяка и еще одну шампанского. Рыженькая продолжает потягивать игристое, а вот брюнетка активно, наравне с парнями, одну за другой опрокидывает рюмки.

– Мне скучно. – Женская ладошка скользит в расстегнутый ворот моей рубашки. – Вы что, так и будете наблюдать за этими неудачницами?

– Ох, малыш, ты проиграла неудачницам. Третью бутылку принесли, говорю я.

Брюнеточка запивает коньяк шампанским, не забывая залиvisto смеяться.

– Еще чего. – Соня демонстративно отнимает ладошку и застегивает пуговицу на моей сорочке. – Мы спорили только на рыжую. Вы сегодня нудные, – поднимается на ноги. – Я пойду танцевать. Если передумаешь, буду внизу.

– Ты куда? – перехватываю ее за локоть. – А как же спор?

– Я не буду знакомиться с этим уродом. У него внешность маньяка.

– Не знакомиться, малыш. Развести на пару коктейлей, подороже, естественно.

– Илья! – топает она ножкой.

– Соня, – я растягиваю рот в улыбке. – Я бы к тебе поехал, но, – пожимаю плечами, – не судьба. Удачи, моя сухозадавая красавица.

В воздух взлетают волосы, Соня резко разворачивается на каблуках и не прощаясь спешит к лестнице.

– За что ты ее так? – Вальяжно развалившись, Мит подергивает ногой в такт мелодии.

– Откровенно достала, – отвечаю я.

Я возвращаюсь взглядом к столу. Мирная попойка превращается в активную беседу, брюнетка с рыженькой хохочут и кивают. Один из парней достает портмоне и кладет купюру на стол, делая приглашающий жест рукой. Брюнеточка принимает ставку, извлекая свернутую купюру из рукава.

– Что они делают? – спрашивает друг.

– Сам не пойму, какой-то новый вид развода. Сейчас узнаем, – я подуюсь вперед.

Брюнетка ставит локоть на стол, удобнее садится. Парень с ярко выраженной мускулатурой красуется, посмеиваясь, и перехватывает узкую бледную ладошку своей.

– Армрестлинг, серьезно?

Мы удивленно переглядываемся. Качок легко удерживает напор женской ладони, скалится, кривляется, хохочет, запрокинув голову. Его друзья бьют ладонями по столу, подбадривая. Когда кажется, что мраморная ладошка коснется темной столешницы, ситуация меняется. Девушка чуть переносит вес и придавливает мужскую руку.

– О-о-о, выражение морды-лица мужика бесценно. – Я не сдерживаю смех.

Тут же место напротив брюнетки занимает следующий, отталкивая проигравшего.

– Вампирша? – Мит, как и я, свешивается через перила.

– Не думаю. Вторая точно человек, – отвечаю я.

Несмотря на заплетающиеся ноги, рыженькая мечется у стола, собирая ставки с зевак. Брюнеточка выпивает очередную рюмку, прикрывает глаза и ставит руку, принимая вызов. Она больше не изображает опьянение, следит за подругой, что собирает деньги. И я понимаю, что ее выделяет среди остальных – взгляд. Настороженный, внимательный и злой – она ненавидит происходящее.

– Ах, красавица!

Мит присоединяется к овациям. Хлопки и улюлюканья разлетаются по танцполу после очередной победы.

Пухлые губы изгибаются в недоброй улыбке. Брюнеточка наблюдает за стенаниями двух крупных мужиков, что просили реванш. Перекидывает темные волосы за спину и поднимается из-за стола. Трезвому понятно, что не уйдет, это лишь обманный маневр, заставляющий раскошелиться пьяных придурков, оскорбленных проигрышем девчужке.

Когда на столе появляется очередная купюра, брюнетка садится и делает едва уловимый жест подруге. Рыжая медленно отступает, улыбается, поглядывая по сторонам, и скрывается в мерцающем пространстве танцпола.

Тонкие пальцы обхватывают мужскую смуглую ладонь, сжимают – заметно, как проминается кожа, и рывком укладывают на стол. Быстрым движением брюнетка собирает деньги, отталкивает преградившего дорогу мужика и теряется в толпе.

– Волчица, – делаю я вывод, провожая хрупкую спину.

Редкий вечер, что мог позволить себе расслабиться, я провожу за наблюдением. Две мелкие разводицы подняли на уши весь клуб, смывшись не только со своим выигрышем, но и с деньгами тех, кто делал ставки. Если это можно назвать отдыхом, то да, я отдохнул. Не отдохнул, так развлекся точно.

Глава 2

Уже на следующий день мы прочесываем улицы в поисках пропавшей волчицы – Дары. Из черты города поиски перемещаются в область, и я часами мешу ногами и лапами грязь, бесполезно сотрясая воздух отборным матом или рычанием.

В очередной раз удивляюсь выдержке нашего Альфы. Если бы я нашел в добром здравии свою бывшую, заживавшую в компании мужика, из-за которой трое суток каждый свободный волк стаи, буквально носом уткнувшись в землю, а задницу задрал к небу, шерстил окрестности, не ограничился молчанием и короткими холодными фразами. Разнес бы все вокруг. Спалил бы деревянный домик, насквозь пропитанный запахом секса, вместе с его постояльцами. Но насчет человека Лео прав: мужик не виноват, хотя желание свернуть шею от этого не уменьшается.

Я по-черному завидую его спокойствию, когда внутри меня взрыв эмоций, Лео лишь неопределенно жмет плечами. Крайнюю степень раздражения в нем выдает молчание. Видимо, поэтому он вожак, умеющий держать лицо, в первую очередь соблюдать интересы стаи, а уже после – свои; находить приемлемое решение любой проблемы, а когда нужно, доказать свою позицию силой.

И если бы темная полоса для стаи на этом закончилась, так нет. К смерти Ирмы – волчицы, погибшей при непонятных обстоятельствах – и побегу идиотки Дары, прибавилось еще одно исчезновение фуры с грузом. Уже третье.

Вместо того чтобы хорошенько выспаться мы с Лео в прямом смысле просеиваем сквозь пальцы пепел, желая найти хоть малейшую зацепку. От груза и самой фуры остался почерневший металлический скелет. Подойдя ближе, я чувствую жар раскаленного металла, а ядовитая пыль забивает и без того чувствительный к запахам нос. Ясно одно – очередные убытки.

И с каждым днем все веселее и веселее.

Начинаются проверки на базах не только в нашем городе, но во всех филиалах. Я несколько дней живу в машине и на работе, днем сопровождая комиссии по автопарку и складам нашей транспортной компании, по вечерам – разбирая завалы, образовавшиеся в течение рабочего дня, да и дела стаи, не связанные с доходом, никто не отменял.

– Тебя сегодня ждать? – Брат впервые за четыре дня звонит.

– Не знаю. Сейчас заберу результаты экспертизы, подожди вторая линия, – ставлю вызов на удержание: – Да.

– Максимально быстро ко мне в кабинет, — произносит Альфа.

И вот этот слишком спокойный тон заставляет торопиться.

– Лео, я еще в центре, – отвечаю я.

– Жду. Не хочу встречать Платова один. Его девчонка рассказала много интересного. Тебе и Миту скинул нашу беседу, прослушай по дороге.

Лео сбрасывает вызов.

– Алло, Илюх, ты про меня забыл? – Долетает голос брата из динамика.

– Я перезвоню. – Разрываю звонок и жму на запись аудио в мессенджере. Из динамика слышится шелест бумаг и какой-то хруст, а потом я разбираю голоса.

«– Я знаю, кто виноват в смерти той девушки. Помните, когда мы с вами встретились впервые».

Я увеличиваю громкость.

«– Ирмы. – Лео напоминает имя.

– Ирмы. Это наши ребята, – вскрикивает девичий голос. – Они виноваты!

– Рассказывай, ты же для этого сбежала из-под наблюдения отца и приехала в наш город.

– Да, для этого! Я просто не могу больше молчать. Эта девушка, Ирма, она снится практически каждую ночь. И я не могу избавиться от запаха. Запаха смерти. Он так и стоит у меня в голове.

– Первый раз видела труп? – спрашивает Альфа.

– Первый. Отец с рождения меня оберегает: я практически не покидаю территорию стаи, и если куда-то и выезжаю, то в сопровождении; не разрешает смотреть бои, да даже тренировки. Он любит меня, защищает. Нет, правда. Тот случай был первым. Хотел, чтобы я запомнила надолго...

– Я тебе верю. Расскажи, что случилось с Ирмой.

– Она хотела помочь, так ребята рассказывали, – девичий голос дрожит.

– Какие ребята?

– Вы их видели. Стас и Денис.

– А Стас с Денисом откуда узнали?

– Они там были, на месте, где ее... убили. Но они не виноваты. Честно.

– Лесь, давай по порядку, – просит Альфа.

– Громов с младшим братом, это все они. Они давно промышляют грабежом на дорогах. Через нашу трассу, как раз дорога по направлению к морю, там они грабили приезжих. На стоянках или заправках, а потом Игорь придумал изображать аварию, люди останавливались помочь, ну и...»

– С-с-су-к-и-и-и, – цежу я сквозь зубы, несколько раз ударяя ладонью по рулю. – Вот же суки. – И это соседняя стая! Братья! Готовые в любой момент подставить плечо... А как искусно изображали поиски, отзванивались каждое утро, рассказывали о результатах, а сколько было сочувствия при обнаружении тела Ирмы. – Ну Платов, ну тварь! Засунь свой сигнал в задницу, – вызвериваюсь на какого-то водителя, утопив педаль газа в пол.

«– Да, избивали, – продолжаю прослушивать запись, – забирали груз, прятали, а потом продавали. Через несколько недель продавали, боялись, что их поймают. А в тот вечер волчица из вашей стаи остановилась помочь. Услышала крики и съехала с трассы. – Девичье лепетание потонуло в тихих подвываниях. – Я сама видела, как ее душили, но не смогла ничего сделать, меня Денис удержал, сказал, что и с нами так же поступят, не посмотрят, что я дочь Альфы».

Я лечу к базе, поставив на повтор запись и прослушивая снова и снова. Не нужно видеть лица, слышать сердцебиение, по одному голосу понятно: дочь Платова искренна в своих словах. Захлебывалась в слезах каждый раз, когда говорила о смерти. Я преодолеваю лестничные пролеты, подтягиваясь за поручни, перешагиваю по три-четыре ступени. Административный этаж пуст, слышны два возбужденных голоса, Лео и Платова – Альфы соседней стаи, и редкие комментарии девчонки. В приемной замерли двое оборотней, ожидавшие своего Альфу и готовые в любой момент сорваться в бой.

Игнорируя их присутствие, я присаживаюсь за стол Павла, помощника Лео, наблюдаю, не скрывая неприязни, за Платовскими волками.

«Не оборотни – блохастые шавки» – крутится на языке.

– Сделай лицо попроще, Коваль. – Мит влетает вслед за мной. – Не хватало... – Не договаривает, сбавил темп, неторопливо идет, активно втягивая воздух, присаживается на край стола.

– Довожу до сведения, – за тонкой перегородкой Лео чеканит каждое слово. – Я против конфликта, против наказания детей, что совершили глупость, но... осознанное убийство – его я не прощу. Это если не вспоминать о тех потерях, что несет моя фирма. Не стоит принимать решение на ночь глядя, Платов. Я подожду до обеда завтрашнего дня.

Мы все четверо не сводим взгляда с закрытой двери.

Мит слишком нервно отталкивается от стола и подходит ближе к выходу.

– Мое решение не изменится. Мы уходим. – Скрежет ножек стула.

– Жаль. – слышим спокойный ответ Лео.

– Пап, но... – Договорить девчонке не дали.

Первой выходит Леся, за плечи ее придерживает отец, не разрешая сделать самостоятельно и шага. Девчонка искоса поглядывает на меня и так же, не поднимая головы, рассматривает Мита. Платов одергивает дочь за локоть, перехватывая и прижимая к себе.

– Не дергайся, Рокотов. – Платов реагирует на выпад, с силой отталкивая Мита в грудь.

– Пап, не нужно. – Леся тянет отца в коридор. – Пап, идем. Идем, – повторяет с мягкой улыбкой.

– Ты чего к нему полез? – шепчу, придерживая я друга.

– Не понравилось, как девчонку тряханул, – скалится он.

– Кретинизм подцепил? Так предохраняться надо, – пытаюсь разрядить обстановку.

– Да пошел ты. – Он сбросил мою ладонь с плеча.

– Мит?

– Отвали, – рычит тот.

Замечательно поговорили, конструктивно.

– Завтра. Все действия после ответа Платова, – недружелюбно летит в нашу сторону, а мы топчемся на пороге кабинета. – Я сам ему позвоню. У вас кофе есть? – Альфа упирается в нас тяжелым взглядом. – Нет? Идите!

– Дядька... – зовет Мит.

– Лео, – я пытаюсь вступить в разговор.

– Завтра, – Альфа обрывает наши попытки заговорить. – Завтра, – повторяет с рычанием, своим примером указывая на выход.

– На вас, Рокотовы, отрицательно влияет растущая луна, – подытоживаю я разговор. – Ладно, Альфач рычит, а ты какого хрена полез на Платова?

– Надо, – отвечает Мит.

– Чего тебе надо? Получить хороших звездюлей? – Последние три ступени я преодолеваю прыжком.

– Коваль...

– Хренову тучу времени Коваль. Ты чего кинулся на чужого Альфу? – Мит не слушает, выбегает через вход для сотрудников.

Задние фонари черного внедорожника мелькают у ворот, подпрыгивая на «лежащем полицейском».

– Его девчонка – моя, – зло выдыхает друг, сверля взглядом въезд.

Не могу сдержать эмоции и вскидываю руки:

– Ах-ре-неть. – Меня разбирает неконтролируемый хохот. – Серьезно? – выдавливаю, а сам уже упираюсь ладонями в колени, закашливаюсь, поперхнувшись слюной.

– Не сдохни. – Мит хлопает по спине сильнее, чем нужно.

– Сдохну, – успеваю я произнести между ударами, – если ты не прекратишь лупить.

– Думаешь? – огрызается Мит, но прекращает «спасать» мою жизнь от позорного удущения своей же слюной.

– Хватит пялиться на ворота, не вернется твоя малышка, отец заругает, рано ей еще спариваться. Ай, мля, больно же. Кажется, что-то хрустнуло.

Я отошел на безопасное расстояние, прощупывая поясницу.

– На то и был расчет, – рычит друг.

– Да успокойся, – я отступаю еще на пару шагов. – Я же могу случайно удалить ее номер. А он у меня есть, – похлопываю по карману брюк.

– Дай телефон!

– Да отвали ты, – изворачиваюсь я, – мы, конечно, с тобой близки, но я еще не готов перейти на новый уровень. Кому скажи, не поверят, друг оказался вдруг... – Крутанул на

месте. – Смотри, складские удивляются и охают, не ожидали, что ты меня за яйца будешь хватать.

Резкий удар в грудь, и я считаю кирпичную кладку позвонками. Дошутился...

– Надо запомнить, – легкие горят огнем, – что при встрече со всей парой у волка разжижаются мозги, – я растираю грудину. – Держи, – протягиваю смартфон. – Сам найдешь в справочнике? – Скатываюсь по каменной кладке, присев на корточки. – Надеюсь, что меня не постигнет ваша участь. Арнар, Лео, теперь ты... – Хотел было добавить «Бабы вам мозги выели», но вовремя захлопнул рот, поймав двинутый взгляд. – По фамилии ищи – Платова.

М-да, сегодня я потерял лучшего друга. Прощай, побратим! Здравствуй, унылый моногамный самец...

Глава 3

Яна

– Вик, мы же за прошлый заход собрали приличную сумму, – произношу я.

– Янчик, ну что там было? – Перехватив непослушные кудри, подруга собирает кулю, присаживаясь на край старого дивана.

– Семьдесят три тысячи. Семьдесят три. – Сон как рукой сняло, как только я узнаю, что денег не хватает даже на квартплату, не говоря о продуктах. – Прошло только две недели, я же просила умерить расходы.

– Две недели. – Сдув прядь со лба, подруга загибает пальчики. – Семьдесят три на два – тридцать шесть пятьсот. Сама подумай, мы имеем на двоих в неделю тридцать шесть тысяч. А на одну – восемнадцать двести пятьдесят. И ты еще спрашиваешь, куда делись деньги?! Их просто нет, – разводит пустые ладошки перед моим лицом. – Пф-ф-ф, и кончились.

– Вика. – Я собираю одеяло гармошкой, впиваясь пальцами. Одеяло и постельное белье—единственное, что было новым в этой комнате. У меня нет возможности купить свой угол, нет возможности поменять старую мебель, пропитанную запахом гари, сигарет и одеколona «Красная Москва», или сменить пожелтевшие обои на низких стенах, но спать на чужом застиранном белье, мучаясь вопросом, что могло на нем происходить, никогда не буду. – Где деньги? – задаю прямой вопрос.

– Они...

– Где деньги, Вика!?

– Их нет, – виновато улыбается подруга.

– Только не говори, что приходил Стасик-разик и рассказал, как в очередной раз вляпался по самые уши. А ты поверила и отдала ему наши, – выделяю я и повторяю с нажимом: – Наши деньги. Мои! Вик! Я рискую!

– Да-да, – отмахивается подруга, – а вдруг волчица не откликнется... И бла-бла-бла... Мне иногда кажется, что ты сумасшедшая. Сама-то в это веришь? Оборотень, – смеется она. – И не давала я денег Стасу! Внесла первый взнос на маммопластику. – Вскочив на ноги, Вика упирает кулаки в бедра и склоняется надо мной. – Не нужно меня отговаривать! Я уже и обследование прошла!

– Ты дура, Вик! Мы есть твою новую грудь будем? Или оплатим ею аренду? – спрашиваю я.

– Нет, заработаем. Сегодня очумительная вечеринка в «Прайде», богатеньких лошкков будет – м-м-м, – протягивает она.

– Я не пойду в «Прайд», клиенты этого клуба вполне могут свернуть нам шеи только за попытку их обдурить. – Я шарю ногами в поисках тапок.

– Утрем нос закоренелым шовинистам! – Вика вдохновенно жестикулирует. – Ударим по кошельку мерзких кобелей, что в командировках снимают девчат вместо того, чтобы купить жене и деткам подарки! Отомстим за все слезы, пролитые в браке!

– Вик, ты что несешь? Ты и замужем не была, – я приглаживаю волосы.

– А не нужно воспринимать мои слова буквально. Не была, а кто-то другой был.

– Я не собираюсь оплачивать твою грудь. – Я поворачиваюсь спиной к подруге, снимая футболку и надевая плотный топ. – Попроси Стаса. – Открыв со скрипом дверцу старого шкафа, достаю теплый спортивный костюм.

– Яночка, я обещаю, что одного вечера хватит на пару месяцев, плюс оплата остатка моей операции. Найду самых богатых и самых тупых. Яночка. – Она подходит ближе и помогает расправить завернувшийся край кофты. – И ты сможешь до января отдохнуть. Ты отдохнешь, а

я восстановлюсь, как раз к новогодним праздникам. Только вспомни, какой заработок зимой, – кричит мне в спину.

– Нет. – Я с чувством гремлю эмалированным чайником по чугунной решетке двухкомфорочной плиты. – Хорошо, что у меня было отложено. – Достаяю большую глубокую тарелку и высыпаю в нее половину пачки овсяных хлопьев быстрого приготовления. – Хватит на квартплату, аренду и сможем купить продуктов на неделю. Но в «Прайд» не пойду.

Я всегда тщательно выбираю бары или клубы, где мы работаем. Вечер или два наблюдаю за посетителями, и в «Прайде» частыми гостями были волки. Не нужно слышать их запах, достаточно быть внимательной: высокие, сильные, громкие, наглые, собой занимают все пространство – их всегда много. А встречаться лицом к лицу с волками нашего города – такого пункта в списке моих желаний нет. Пока нет. Я не готова.

– Это та двадцатка, что лежала в кармане твоей толстовки? – уточняет Вика.

– Да, – отвечаю я и застываю с ложкой в руках. – Вика, что значит «лежала»?!

– Это значит, что больше там не лежит. Молочка достать? – Вика беззаботно открывает дверку холодильника и наклоняется к нижним полкам. – Нужно было оплатить хотя бы треть, чтобы за мной забронировали дату в клинике.

Казалось, что пар из моих ушей валит ничем не хуже, чем из носика старого чайника, что, кипя, подпрыгивал.

Лицо обдает горячей волной, так давно забытой – жаром обращения, но, к моему разочарованию, жар сразу же исчезает. Пальцы слабо потрясывает и больше ничто не напоминает, что еще лет пять назад я спокойно перекидывалась в волчицу. Злость и секундное проявление зверя отобрало много сил, словно и не было десятичасового сна.

– Яночка, – в ход идет лесть, – обещаю, один-единственный раз. И мы даже сможем сменить город.

– Нет, —я заливаю кипятком свой завтрак, а на поверхности плывут одинокие жиринки сливочного масла. Соскребаю остатки с бумажной упаковки и аккуратно снимаю о край тарелки.

Я сменю город лишь в одном случае, когда узнаю о судьбе своего отца, мне нужно знать точно, что произошло. Но с каждым днем силы уходят: волчица отзывается неохотно, слух, зрение, обоняние и физическая сила покидают, уходят по капле.

– Все же у тебя глисты, – констатирует Вика в очередной раз. – Разве девушка твоего телосложения может столько съесть?

– Не меняй тему. – Рядом с тарелкой каши ставлю кружку сладкого-сладкого чая. – В «Прайд» я ни ногой. Остальную сумму на операцию найди сама. Возьми кредит, попроси у Стаса, выкручивайся. Сегодня можешь остаться на ночь, а завтра ищи жилье. Да, и я буду искать, – произношу, не отрываясь от тарелки.

– Можно продать твою «Хонду».

– Вик, ты охренела? – Смотрю на нее, не веря своим ушам. – Ты потратила наши деньги, стащила мою заначку, фактически оставила нас без жилья и средств к существованию, а теперь просишь, чтобы я продала мотоцикл, и все это ради твоего каприза?!

В глазах собеседницы мелькает озабоченность, но лишь на мгновение, и Вика идет в нападение.

– Да где бы ты сейчас была?! В колонии для малолетних, нет – в психушке. Кто бы еще стал терпеть твои ночные бормотания и крики да слушать басни о самом лучшем отце, что ушел и не вернулся, о свихнувшейся матери, что тебя выгнала, узнав, что ты оборотень?! Признайся уже, что ты брошенный ребенок, у которого, как и многих из нас, кто вырос на улице, родители беспробудные забулдыги или торчки, плюющие на своих детей. Выдумала сказочку... И кто еще из нас дура? А, Ян?

– Да иди ты, – я зло бросаю. – Я достаточно тебе отплатила за свое спасение. Пять лет ты живешь за мой счет, сколько ты получала? Десять процентов от заказа, двадцать? И скольких тебе нужно развести за вечер, чтобы хватило на новые сиськи? Правильно, хорошенько поработать три-четыре месяца.

– Два, – выплюнула подруга зло.

– Ну, конечно, а есть ты не собираешься эти два месяца или где-то жить? А? Конечно, Яночка-дурочка будет содержать. Так нет. Не будет. Это будет наш последний раз, мне деньги со стола, а тебе – ставки. Или так, или никак.

– Согласна.

Неприятное предчувствие не оставляет меня до самого клуба, Вика заходит первой, а я продолжаю наблюдать. Очередь ожидающих возможности войти с каждой минутой становится длиннее. Десятки девушек обольстительно улыбаются, вглядываясь, словно бездомные щенки, в лица мужчин, надеясь, что именно их выберет один из состоятельных, успешных, в дорогой одежде, пропитанный нишевой парфюмерией и с ленцой во взгляде. Идиотки. Всех как одну ждет только потребительское отношение, и в лучшем случае тысяч-другая с утра в лицо.

Поправляю взметнувшиеся в воздух волосы, а внутри гложет червячок сомнения.

Еще не поздно отказаться.

«Нельзя», – отрезаю.

Завтра к десяти придет хозяин дома, а остаться без жилья в середине осени категорически не хочется.

Холодный ветер скользит по голой пояснице и пробирается вверх по позвоночнику. В прошлом году мне было комфортно в топе и при нуле. Почему волчица погибает?! Я ее почти не чувствую, не слышу ее голоса. Ее эмоции стираются, теряясь в моих ощущениях.

И почему отец никогда не рассказывал об этом? Не знал или не успел?

В руках вибрирует смартфон:

«Жду у бара!!!»

«Иду», – отправляю в ответ.

До самого входа меня сопровождают недовольные шепотки пришедших раньше. Затылок жжет от пристальных взглядов. Останавливаюсь в шаге от охраны. Двое широкоплечих мужчин закрывают собой вход, один проходится по мне обманчиво отрешенным взглядом.

– Меня ожидают, – нетерпеливо постукиваю ноготком по циферблату часов – самой дорогой части моего гардероба, не так давно выигранной у одного парня. Меня не смущает массивность аксессуара и явно мужская модель, главное – бренд, название, блеснувшее серебристыми буквами, – пропуск в мир золотых столовых приборов и унитазов.

– Хорошего вечера. – Кивок, и передо мной распахивается мир всего, что я ненавижу и презираю.

Вру... я ненавижу и презираю себя в этом мире.

– Ты что так долго?! – фыркает Вика.

– Дышала свежим воздухом.

Вика протягивает мне коктейль:

– Угостили, – предотвращает мои расспросы о деньгах. – Вадюня оказался такой душка. Бармен. Мы с ним договорились на двадцать процентов, – замолкает. – Хорошо, – закатывает глаза, – двадцать пять с каждого заказа.

– Ты забыла, что не умеешь врать? – Сердцебиение Вики в таком грохоте басов я не слышу, спрашиваю на удачу и оказываюсь права.

– Тридцать! – выкрикивает она, скривив лицо, не дожидаясь моей реакции, зовет бармена: – Вадик! Вадик! Поможешь? С кем можно поработать?

– У нас все клиенты платят за общение. – Парень активно натирает столешницу. – А там уже дело техники, что вам закажут. Деньги отдаем сразу же после смены.

– Вадим, а покажи постоянных клиентов. – Склоняюсь так, чтобы можно было рассмотреть тех, о ком речь.

– Все балконы с первого по пятый. Третий не советую брать, если не захотите продолжения.

– Не захотим, – вмешалась Вика.

– Это стол хозяина. – Бармен переключается на бокал и натирает белоснежным полотенцем. – Эти двое тоже бывают практически каждые выходные. За твоей спиной щедрые ребята, но они уже с девочкой.

– Подвинем, да, Ян? – Поблагодарив, Вика медленно разворачивается, блуждая взглядом по залу. – Однозначно берем их.

– Нет, не берем. – Сердце пускается вскачь при взгляде на «щедрых ребят».

– Да ладно, ты что, пампушки на коленях блондинчика испугалась? И не таких вытравиливали. Брюнет так вообще божий одуванчик, глянь, у него на лице написано «Люблю, когда меня разводят».

– Вик, считай это моим внутренним чутьем, но с ними я работать не буду. – Блондин раскатисто хохочет, запрокинув голову, и гладит пышное женское бедро. Ловит мой взгляд, что-то шепчет своей девице на ухо, отчего та смущенно улыбается.

– Идем. – Вика пытается взять меня за руку и поднять.

– Нет, Вика, – я стряхиваю руку, не разрывая взгляда с блондином.

«Удачи», – произносит он одними губами и возвращается к своей подружке, зарываясь лицом в волосы и целуя шею.

– Я интересовалась постоянными, чтобы исключить, – я повернулась спиной к залу. – Второй стол от колонны. Видишь, где четверо?

– Вижу. Ян, можно хоть раз выберу я? – капризничает Вика

– Можно, но без меня.

Вика чуть наклоняется, поправляет грудь, разглаживает складки платья:

– Помада не размазалась? – уточняет она.

– Все отлично, – заверяю я.

Глава 4

«Это последний раз», – уговариваю себя, а внутренний голос издевательски хохочет, говорит, что ничего другого я не умею. Все чему меня научила улица – обманывать и брать то, что нужно.

После исчезновения отца мать замкнулась в себе, а я в учебе. Изучала школьную программу и посещала дополнительные занятия по биологии и химии, тратя все силы на оценки для будущего аттестата. Мне оставался год до поступления в медицинский колледж. Но все труды в один момент потеряли любую значимость.

– Что-нибудь крепкое без льда. – прошу я. Бармен вскидывает удивленно бровь. – Спасибо.

Прокручиваю пальцами высокую резную рюмку, а воспоминания вновь уносят в детство, к серванту с блестящей хрустальной посудой. Как же я ненавидела ее натирать, сидя на полу у таза с водой, вдыхая уксусные пары. Мама щедро наливала несколько столовых ложек на емкость и спешила открыть небольшие форточки. В тот момент я проклинала многочисленный хрусталь и задавалась немим вопросом, а почему бы все не завернуть бережно в газетку и не убрать до следующего Нового года вместо того, чтобы натирать и расставлять два раза в месяц.

Как бы я сейчас хотела неспешно перемывать крохотные солонки и расставлять доньшком вверх на расстеленное мамой махровое полотенце.

– Еще, – протянула я рюмку.

– Работать сможешь? Клиенты не любят пьяных, если только они сами не напоили, – замечает бармен.

– Только так и смогу. – Я жду последнюю каплю, сорвавшуюся с горлышка бутылки. Сажусь вполоборота, и мое внимание вновь притягивает пара оборотней. Щедрые ребята... Скажи я об этом Вике, пришлось бы наблюдать, как та крутит у виска пальцем и ядовито хохочет.

Блондин не перестает облизывать свою девицу, вызывая у меня гадливые чувства, при этом ведя светскую беседу с брюнетом. Неужели ей нравится?! Она же словно ручной питомец, которого хозяин почесывает за ухом, пока смотрит телевизор.

Блондин качает головой и, могу поклясться, слышу, как цокает языком, глядя на рюмку в моей руке. «Нельзя», – четко произносит губами.

– Отвали! – фыркаю и ловлю себя на рычании, прикрывая ладонью оскал.

Выпиваю крепкий, невероятно приторный напиток, вновь оживаю. Только так я еще могу ощутить волчицу внутри: провоцируя, затуманивая сознание человека алкоголем.

– Еще, – я щелкаю стеклянным дном о столешницу.

Поднимаю голову, а блондин словно ждет, когда я на него взгляну. Он один, девицы нет рядом. Откинувшись в кресле, растягивается в гадкой высокомерной ухмылке, словно знает обо мне все.

«Не поможет», – комментирует он.

Не выпуская рюмку из рук, демонстрируя средний палец, опрокидываю, и по горлу медленно течет огненная лава.

Лучи прожекторов становятся непривычно яркими, музыка слишком агрессивной для слуха, а я не перестаю улыбаться.

Волчица! Она не бросила меня!

– Я тебя устала ждать. – Вика пританцовывает и манит меня ладошкой.

Я оставляю рюмку, и мы идем к столу, выбираем место на границе танцпола так, чтобы нас заметили, разыгрываем случайную встречу.

– Какие же они убогие. – Подруга перекрикивает музыку, целуя меня в щеку, вскидывая радостно руки. – Начни с рубашки-поло, – целует вторую щеку. – Он не устает хвастаться, – тянет к столику, а мне остается изобразить неловкость. – Мальчики, смотрите, кого я встретила! Это Яночка. Сколько мы с тобой не виделись?

– С Нового года, – я не перестаю изображать восторг от встречи. – Почти год.

– Вы не против, если она посидит с нами? Присаживайся рядом с Эдом. – Вика не дожидается ответа мужчин, подталкивает меня.

Я не запоминаю имен, дарю по очереди максимально очаровательную улыбку.

– Что-нибудь будешь? Угощаю. – Мой сосед по диванчику произносит «угощаю» медленно, давая возможность проникнуться его щедростью.

– А что вы пьете? Я буду то же самое. – На столе бутылка виски, мартини и сок. – Хочу отвлечься. – Касаюсь, якобы случайно, бедром мужского бедра.

– Отличный выбор. Никогда не понимал всех этих коктейлей. По факту – покупка льда, алкоголя минимум. – Он делает жест официантке.

– Да, ты прав. – Мы чокаемся бокалами. Несколько крупных глотков алкоголя заставляют сердце биться чаще, разгоняя кровь.

Я прячусь за колонну от настырного взгляда блондина, но оборотень не сдаётся, передвигает кресло и потягивая сок, рассматривает, чуть склонив голову.

– А чем такая красавица занимается? – раздается у самого уха.

Самый не банальный подкат в моей жизни...

На мгновение я раздраженно поднимаю глаза к потолку, а блондин оживает, меняет позу, широко расставляя ноги, сползает, так, что голова упирается в спинку кресла.

– Учусь в медицинском, а ты?

И в очередной раз мерзко на душе. Хотя бы в фантазиях смогу осуществить свои мечты. Студентка меда – хмыкаю на ремарку внутреннего голоса.

– У меня сеть автомастерских, возможно, ты видела... – И «рубашка-поло» с упоением и в подробностях перечисляет количество открытых точек и численность персонала. Бросаю короткий взгляд на балкон: оборотень наигранно подавляет зевок и растягивается в улыбке. – В общем, могу себе позволить отдохнуть не только здесь. Выбрать любое место. – Собеседник откидывается и прищуривается, оценивая эффект от его слов.

– Эд забыл уточнить одну деталь – это наш общий бизнес. Мы начинали с одного гаража, но за пять лет хорошо поднялись. А сегодня наконец выбрались отдохнуть. Не все же пахать, правда, парни? – замечает тот, что сидит к Вике ближе.

– Фантастика! – Вика искусно изображает восторг. Широко распахнутые серые глаза на фарфоровом кукольном личике и приоткрытые губы еще никогда не подводили. – Мальчики, вы большие молодцы. Начать с малого и так вырасти, – ловит ответный взгляд каждого. – А вы женаты? – Проводит кончиком языка по сахарному краю бокала. – Конечно женаты. Такие шикарные мужчины просто не могут быть свободны. – Снимает ладонь с мужского бедра и чуть ли не смаргивает слезы, подняв глаза к потолку. – Почему же мне так не везет!

Пора вступать в игру. Я ставлю мысленно галочку, что нельзя больше отвлекаться, а если оборотню нечем заняться себя вечером, пусть смотрит, с балкона отличный обзор.

– Вик, – я одергиваю подругу. – Кажется, ты выпила лишнего. – Мягко забираю бокал и отставляю. – Давай прогуляемся.

– Некоторым везет во всем! – продолжает она капризничать. – Вот она, – указывает на меня пальцем, – никогда не пьянеет. Представляете, никогда!

– Да ладно?! – Все четверо скептически меня осматривают. – Прямо никогда?

Делаю вид, что Вика преувеличивает.

– Ты выпила лишнего. – Подруга дразнит меня. – Вы только посмотрите! Все при ней! Рост, милое личико, отпадные сиськи!

Вот зараза! Четыре мужских взгляда метнулись от моего лица к груди.

– Извините, – поднимаюсь я, – Вик, ребятам неинтересно слушать твои пьяные бормотания. Извините.

– Выкуси, я не женат, – выкрикивает бородатый.

Ну наконец-то!

– Правда?! – уточняет подруга. Ее ладошка возвращается на мужское бедро, и пальцы скользят по внутренней части.

– Могу паспорт показать, – мужик тянется к заднему карману джинсов.

– Я верю, верю, – ярко хохочет Вика в мужских объятиях. – Жизнь налаживается. – Взгляд подруги обманчиво нетрезв и расфокусирован. Все заказанные коктейли были безалкогольными, о чем мы договорились заранее с барменом. Вика поворачивается ко мне. – Присаживайся обратно, кажется, ты выпила лишнего, – одной фразой возвращает присутствующих за столом в нужное русло.

– Ян, а ты действительно не пьянеешь? – интересуется рубашка-поло.

Я занимаю прежнее место.

– Никогда, – я встречаю уверенно мужской взгляд.

Алкоголь обостряет звериную сущность, человеческим разумом овладевают инстинкты, но организм быстро нейтрализует спирт в крови, за считанные минуты.

– Звучит как вызов. Да, парни? – Эдик – единственный, чье имя я запомнила – наливает два бокала. – Влад, ты у нас самый крепкий, выпьешь с девушкой?

Влад скептически осматривает меня.

– Испугались. – Вика пьяненько хохочет. – Испугались! – тычет в каждого пальчик.

– А, чтобы не выпить. – Плотный мужчина лет сорока поддвигает бокал ближе к себе. – Мы же отдыхаем.

– А давайте на спор! Давайте?! – Вика всю елозит на мужских коленях. – Спор! Спор! Спор! Спор! – скандирует, отбивая ладошками по столу.

– А я согласен. Посмотрим, что будет с твоей подругой после бутылки на двоих. – Влад чуть приподнимается, ныряет взглядом на обнаженный живот, задерживаясь взглядом на сережке в моем пупке. – Мне нравятся дерзкие девочки.

– Без секса! – огрызаюсь я.

– Милашка, я люблю, когда партнерша находится в сознании. Проиграешь – неделю работаешь у нас уборщицей. А там и о сексе поговорим.

– А если выиграю? – спрашиваю я.

Мужчина усмехается:

– Двадцатка твоя.

– С тебя двадцатка, с меня неделя работы? – уточняю я условия.

– Достойная оплата за уборку, прошу заметить, – он гадко ухмыляется.

– Хорошо, но выпивку выбираю я.

Широкий жест рукой приглашает к заказу.

– Прошу. – Влад протягивает мне рюмку. – За знакомство.

– За знакомство, – я стараюсь улыбаться.

– Между первой и второй промежутки небольшой, – он хмыкает и наполняет рюмки.

– Согласна, – я вновь выпиваю.

– А теперь за любовь, – выкрикивает Вика. – Нужно рюмку держать в левой руке, а ноги поднять под столом, чтобы они не касались пола. Ну же. – Мужчины меняют руки. – Поднимайте ноги. Если вы не верите, я верю в приметы! – протягивает коктейль к центру стола и звонко со всеми чокается.

– Может, нужен перерыв, милашка? – интересуется Влад.

– Нет, – я протягиваю рюмку.

Мы выпиваем четвертую и пятую стопку, остальные за нашим столом больше не пьют, а с азартом наблюдают.

– Как-то скучно. – Вика морщит носик. – Пьете и пьете... и ничего не происходит.

– По рублю за каждую новую рюмку. – Влад кладет купюру в центр стола, глаза мужчины блестят, а движения теряют координацию, но он еще далек от понятия «в стельку».

– Мне нечем ответить.

Я изображаю сожаление, ставлю локоть на стол, подпирая голову. Влад улавливает мои неуверенные движения, улыбается друзьям:

– У тебя есть ручки, милый ротик, симпатичная задница... – Я заставляю себя глупо хохотать в ответ. – Поднимаю до двух рублей взамен на твой рабочий день. И не думай, что сможешь соскочить.

– И не думала. Нам нужна еще выпивка, – последнее слово я произношу с запинкой. Обманчивое ощущение скорой победы только провоцирует мужчину.

– Извините, я припудрить носик. – Вика сползает с колен.

Сейчас ее обязанность привлечь зевак, разжечь интерес, повысит ставки.

– Одиннадцатая, милашка. – Влад самоуверенно улыбается, поправляя купюры в центре стола. – За твой проигрыш, – опрокидывает и ждет.

– За мою победу. Клади денежки, – я показываю пустую стопку.

– Мужики, займите, кончилась наличка, – Влад вновь наполняет рюмки.

Вика не торопится садиться за стол, двигается в такт музыке, которая не оглушает, как в других клубах. Сюда приходят не только развлечься, но и поговорить.

– Давай я помогу, – я пытаюсь перехватить горлышко бутылки. Виски проливается прямо на стол.

– И-и-и, – Вика громко визжит, – пятнадцатая. Да-а-а... – практически ложится на стол, забирает пустую бутылку, разворачивается к соседним столикам, трясет над головой: – Ее никому не победить! Утритеесь, вас сделала девчонка! Владик, – выписывает бедрами победный танец. – Владик сдулся! Владик сдулся!

Положив руки на стол, мужчина старательно удерживает равновесие, поднимает голову, но его взгляд полностью расфокусирован.

– И это ваш самый стойкий? Кто-то еще хочет попытать удачу? – уточняет Вика.

– Я! – вызывается другой.

Сворачиваю купюры вдвое и прячу выигрыш, убирая под плотную резинку топа.

– Эд, не дури, ты же видишь, что с ней что-то не так, – отговаривает один из друзей. – Какая-нибудь особенность организма или гормональный сбой... Влад в говно, а у нее и язык не заплетается.

А меня задевают слова «с ней что-то не так».

– Да напилась масла перед клубом, сейчас ее бомбанет, – находит Эд правдоподобное объяснение.

Забыв запрет, я возвращаюсь взглядом к блондину. Если жить среди оборотней, точно никто не скажет, что с тобой что-то не так. И как это, жить в стае? Жить в семье, где на тебя не посмотрят, словно на урода? Тысячный раз я погружаюсь в фантазию, где жив отец, где мать не смотрит на меня, скривив губы, зажав в ладонях кухонный нож.

– Куда ты смотришь? – Мужское плечо касается моего. – Ни черта же не видно. – Эдик вскидывает голову. Яркие вспышки изредка освещают балкон, давая возможность человеческому взгляду рассмотреть силуэт, скрытый затемненным стеклом.

Мою минутную слабость и отрешенный вид принимает за действие алкоголя.

– Делаем ставочки. – Вика петляет между зеваками, их набралось человек двадцать, негу-сто, в процессе должны подтянуться еще. – Кто ставит на дерзкую красавицу? Выдержит ли

третью бутылку? – Я делаю жест, чтобы Вика закруглялась, не хочу. – Нет, – подбегает и шепчет на ухо: – До конца, ты обещала. Яна ставит на кон сорок тысяч, – выкрикивает она.

Я дергаю подругу за руку.

– Это все, что сейчас есть, – произношу скалясь в улыбке.

– Я знаю!

Вика возвращается в толпу, не забывает о мужчинах, что сидят за столом, подначивает, высмеивает Влада, а я себя в очередной раз чувствую цирковым уродом, выставленным на всеобщее обозрение.

Мы продолжаем по привычному сценарию, с каждой рюмкой ставки растут, после очередной выпитой бутылки в нашем уголке проносится волна визгливого восторга. Я собираю деньги со стола, прячу. Официант приносит счет и пятую бутылку алкоголя.

Ссылаясь, что мне нужно в туалет, спешу за Викой.

– Хочешь меня подставить? Ты куда раньше времени?! – я удерживаю ее за руку. За нашими спинами разгорается конфликт. Кто-то обнаружил пропажу кошелька. – Ты зачем полезла по карманам?! – рычу, подталкивая подругу к выходу.

– Я говорила, что мне нужны деньги, – кричит она в лицо и ныряет в самую гущу танцпола, оставляя меня одну.

Черт!

Глава 5

Илья

Свободных вечеров стало в разы больше, когда Альфа наконец перевез истинную к себе, и нам с Митом больше не нужно оберегать и круглосуточно следить за каждым Жениным шагом. Было по-настоящему смешно наблюдать за танцами с бубнами Лео вокруг человечки. Зная себя, моего терпения не хватило бы и на треть.

– Знаешь, о чем я подумал? – спросил я.

Мит сидит напротив, не отрываясь от телефона, вопросительно мычит:

– М-м-м?

– Никакое это не благо – парность.

Мы протираем диванчики одного из самых дорогих клубов нашего города. За тонированным стеклом классическая картина субботнего вечера: девицы на любой вкус и кошелек извиваются в танце, а мужчины лениво наблюдают со своих мест – прицениваются, взвешивают свои финансовые и физические возможности.

– Да ну? – язвительно комментирует друг, а на лице вырисовывается блаженная улыбка от очередного прочитанного сообщения.

– Уверен. Хочешь докажу?

– Попробуй, – он кладет телефон на стол экраном вверх.

– Легко. Возьмем тебя.

– А что со мной не так? – Экран загорается, Мит быстро набирает сообщение, делает мое фото и отправляет.

– Ты еще спрашиваешь!?! Вот что ты сейчас сделал? – я бесцеремонно тыкаю пальцем в экран телефона.

– Ответил Лесе и отправил фото нашего балкона, – произнес Мит легко.

– Да это же первый шаг под «каблук», а ей только восемнадцать, представь, что будет, наберись она опыта.

– Что ты несешь? Попросила фото, я отправил. И дураку понятно, что любая девушка выдумает при слове «клуб». Многочисленные девицы, что со входа вешаются на мужика и волочатся по полу, вцепившись острыми ноготками в штанины.

– Так и было! Да вот недавно так и было. А что сейчас? – спрашиваю я.

– Коваль, ты что разнылся? Я тебе не запрещаю, иди подцепи кого-нибудь. Вон. – Друг подошел к стеклу и указал пальцем вниз. – Все как ты любишь: светлые волосы, задница дирижабль и сиськи, – обрисовывает на себе силуэт. – Или за тем столом, ей явно скучно, – разворачивает мою голову. – А где Ира с работы? Что ты ее не пригласишь куда-нибудь?

– Она меня бросила, – признаюсь я.

– Чего?! – Мит ржет, падая в кресло. – Бросила? Seriously?

– Да, серьезно.

– Ну ничего себе. Об этом можно рассказывать или тайна за семью печатями? Как твое эго перенесло удар? – с фальшивым сочувствие друг встречает мой взгляд и строчит очередное сообщение.

– Только не говори, что и это ты рассказываешь девчонке?

– У нас для разговора есть темы приятнее, чем ты. Так что произошло?

– Я вел себя, как настоящий мудила – вот что произошло.

– Очень категорично и одновременно реалистично по отношению к себе, – друг отрывается от экрана и скалит в улыбке зубы.

– Что я вообще с тобой разговариваю? Иди уже домой. Тебя до сколько отпустили-то? – ерничаю я.

– Фу, не зуди. Ладно. – Мит кладет телефон рядом, показывая, что готов меня выслушать. – Рассказывай.

– Нечего рассказывать. Я просто не стал отнимать ее время, жизнь человека и так скоротечна. Пусть найдет кого-то лучше, кто сможет провести с ней остаток жизни...

– И ты стал вести себя как урод? – спрашивает друг.

– Да. Самый действенный способ.

– Bravo, Коваль! – захолопал Мит в ладоши. – Ты из обезьяны эволюционировал в человека. Хотя нет. Из простого кобеля – в благородного!

– Да иди ты!

– Куда же? – спросил он, не переставая смеяться.

– К Лесе своей, – огрызнулся я.

– Пока не могу. Ты не против, если в следующий раз притащу с собой Киру? Ну, ту рыжую малышку, дочь Лисовских. Они приезжают на юбилей Лео, и мама просит развлечь девчонку.

– Да без проблем. А если она не будет тупить весь вечер в экран смартфона, грамоту выдам. Благодарственную.

– Скажи, почему я вообще с тобой общаюсь? – уточняет Мит.

– Ты покорен моей харизмой, – я присматриваюсь, склонившись к блондиночке, танцующей на первом этаже.

– У меня своей харизмы в достатке. Иди уже, потренируй обаяние и красноречие на ком-то с пышной грудью и задницей, затянутой в красное платье, ты же на нее смотришь? Все, иди, сын мой. Иди, – делает неопределенный жест рукой, что-то среднее между крестом и жестом «иди ты нафиг».

– Иду, отец мой.

Я спускаюсь со второго этажа и погружаюсь в какофонию звуков и запахов. Какая к черту истинность, когда такой выбор? Рыжие, брюнетки, шатенки, блондинки, высокие и миниатюрные, стройные и с пышными формами. Разве можно довольствоваться все время одной? Бред! Даже самое вкусное блюдо со временем приедается и хочется чего-то нового, свежего, так же и с женщинами.

Истинность... Это точно не про меня!

Обвожу взглядом танцпол. Разгоряченные, возбужденные, с горящим взглядом, бери – не хочу. А я хочу...

Блондиночка плавно двигает аппетитными бедрами, игнорируя бешеный ритм музыки, и смотреть на ее движения одно удовольствие. Присоединяюсь, кладу ладони на талию, притягиваю к своей груди.

– Лена, – представляется она. Откинув голову мне плечо, прикрывает глаза и спускается по мне вниз. В очередной раз убеждаюсь: отсутствие пары – чудо! Мана! Благодать, данная свыше, а никак не наказание, как думают остальные.

Заканчиваем танец, я делаю знак официантке, что спешит за нами на балкон и с доброжелательной улыбкой принимает заказ.

– Ты еще тут? – в ужасе прикладываю ладонь к сердцу. Друг отвлекается от телефона, закатывает глаза на мою реплику, скользит равнодушным взглядом по шикарной фигуре Лены, пресно здороваётся и возвращается к гаджету. – Мой друг, – представляю Мита, – с недавних пор закоренелый холостяк. Абсолютный. Даже не смотрит на чужих женщин.

Лена хихикает в моих руках – люблю смешливых и незатейливых.

Она не противится моим ладоням на ее бедрах, ластится кошкой, кокетливо прогибаясь.

– Илюх.

– Что? – не отрываюсь от исследования женских изгибов.

– У бара, это их мы видели в прошлый раз? Девочки-разводилки. Да, точно они. Вот и брюнеточка пришла. Она ведь тебе понравилась.

Хорошо Лена оказывается девочкой очень незатейливой и продолжает потягивать коктейль, склонившись к столу, провокационно упираясь шикарнейшей задницей мне в член.

– Они. – подтверждаю я. Рыжая уносится к выбранному столику, оставляя брюнетку у стойки.

Поглаживаю круглую упругую задницу, а сам не свожу взгляда с девчонки. Молоденькая, а если действительно волчица, то совсем юная. Кажется, что изящные ручки, тонкие пальцы, изгиб шеи – это все хрупкий фарфор. Ее кожа отдает мистическим сиянием.

Брюнеточка манит бармена, и тот ей наливает алкоголь. С рюмкой в руках поднимает голову, осматривает Мита, девицу в моих руках и встречается со мной взглядом.

– Нельзя, – шепчу, покачивая головой. Алкоголь для оборотня – первый путь к потере контроля.

Девчонка огрызается, в прямом смысле показывает зубы, выпивает – профессионально опрокидывает стопку. Что она делает? Неужели не боится?

Есть непреложные правила, что вдалбливают с детства: не обнаруживать себя, не применять силу к людям без острой необходимости, не употреблять алкоголь и другие наркотические средства, что подавляют или возбуждают нервную систему: до неконтролируемого оборота один шаг, а значит, прямое нарушение первых двух правил.

– Хорошо, я не буду. – Лена мурлычет на ухо и перестает проводить дорожки поперек моего живота поверх рубашки.

– Мит, ты же сейчас уходишь? Помоги Лене спуститься.

Все мое внимание сосредоточено на глупой маленькой волчице.

– Я возьму? – Пальчики с ярким маникюром на острых ноготках обхватывают высокий бокал.

– Без проблем. – Я помогаю подняться, привычным жестом придаю ускорение, хлопнув по заднице. Вот за это я и люблю понятные потребительские отношения: никаких скандалов и выноса мозга.

– Да ты заболел. – Друг прикладывает ладонь к моему лбу.

– Отвали, – я отмахиваюсь. – Иди домой, Золушка, скоро полночь, если не хочешь добираться домой на тыкве. И не забудь девчонке отправить фотку, что ты в постельке. Все, вали, не мешай.

– Коваль, ты точно всхворнул. Меня гонишь, девицу привел и тут же отправил обратно. Мужское бессилие? Слабоумие? Газы? – В его друга голосе максимум сочувствия.

– Привет Лесе, – машу рукой, указывая на выход.

– Про юбилей не забудь, – Мит хлопает меня по плечу, – не прощаюсь.

– Угу. – Признаться, последние слова я не слышал, пытался разобраться.

Брюнеточка вновь ставит перед барменом стопку.

Зачем она это делает?

И тут меня словно пробивает разрядом: неужели одиночка? Почему я сразу не догадался? Это же очевидно.

– Не поможет, – отвечаю я на ее ядовитый взгляд.

Девчонка дерзко оттопыривает средний палец и демонстративно выпивает. В темных глазах ловлю зеленоватый отблеск. А вот и волчица себя показала. Брюнеточка счастливо улыбается, она не понимает обманчивость своего состояния. Волк без стаи обречен на смерть, и никакие ухищрения не помогут.

Приходится подняться с дивана, волчица идет за рыжей подружкой вглубь помещения, а дальше все по знакомому сценарию: случайная встреча, приглашение за стол и накачка мужиков алкоголем по максимуму.

Я заказываю поесть, устраиваюсь удобнее, откидываясь в кресле.

Троечка за актерское мастерство, волчица. Фальшивая улыбка, ни намек на заинтересованность, подозреваю, и тексты диалогов так себе. Словно в паршивом боевичке категории В*. А рыжая подружка играет правдоподобно: хохочет, стреляет глазками – не удивлюсь, если она получает удовольствие от того, что делает.

Понеслась. Рюмка за рюмкой, одна за другой.

«Сколько же ты одна? – задаюсь вопросом. – Стоп, – останавливаю себя, – не хватало еще начать жалеть. Волки всегда живут в стае, получается, изгнали свои же. Ну не могла же вся ее стая погибнуть, об этом точно было бы известно».

Мозг активно заработал, поднимая со дна памяти трагические случаи, но ничего...

– Привет, Федь, – произношу на автомате, чувствуя знакомый запах.

– Как тебе удается? – Федор Морозов, хозяин клуба, присаживается на край стола.

– У тебя ужасный парфюм, – говорю я чистую правду, но Морозов принимает за шутку, смеется, по-дружески толкая в плечо.

– Ты что один? Хочешь, найду тебе приятную компанию? – предлагает он.

– Хох, я еще в состоянии сам. Ты мне лучше скажи, что в твоём клубе делают разводицы?

Морозов отмахнулся, проследив за моим взглядом:

– Я тебя умоляю. Это так, второсортные консуматорши, на проценте от Вадима работают. Я не против – продажи. Бабки, – вскидывает брови. – Рыжая еще бы могла работать у меня на постоянной, а черная, – кривится, склонив голову, долго присматривается, – откормить, отмыть, снять всю дрянь с лица, и может быть. – А я слежу за его взглядом, возможно, ошибся столом? Нет, смотрит на волчицу. – Пресная, – мои брови лезут наверх, – никакая.

– Ну-ну, – я подавляю раздражение. – Советую подтянуть охрану, – довольно хохочу, глядя на завязавшуюся потасовку. Перемещаюсь вдоль стекла, следуя за черной макушкой. – Оу, хороший удар, пресная, – толкаю опешившего Федора в бок.

Брюнеточка активно петляет, скрываясь за маятниковой дверью, чуть не сбивая с ног официантку, ныряет в помещения для персонала.

– Ты их уже видел? – Морозов со смартфоном в руках мечется по балкону, отдавая указания охране.

– Не-а, ни разу.

Глава 6

Яна

На мгновение теряюсь в ярко освещенном помещении, сбавляю темп, нащупываю рукой опору. Тонкие двери приглушают удары басов и возбужденные крики. Совершенно не ориентируюсь в коридорах, бегу, не разрешаю себе останавливаться. Это надо же быть такой душой! Проклинаю Вику. Она всегда вела себя эгоистично, и в этом только моя вина. Хотя о какой вине может быть речь, я была ей благодарна и благодарна сейчас, именно она не прошла мимо, помогла. Не оттолкнула, приняла. Научила выживать, прятаться от органов опеки, познакомилась с другими ребятами. Я никогда не считала их семьей, держалась обособленно, боялась навредить, да и не вся их жизненная религия была мне понятна и приемлема. Почти все ребята ушли из дома в возрасте десяти-одиннадцати лет и, как следствие, рано повзрослели. И мне повезло встретить Вику и Стаса, ведь дети улиц часто не доживают до совершеннолетия, а мы смогли. При нашем знакомстве им было по пятнадцать, всего на год старше меня, но они уже казались умудренными взрослыми, что постигли правила выживания и знали свои возможности.

– Где выход на улицу? – я забегаю в кухню и хватаю кого-то из поваров.

Мужчина указывает себе за спину. Отталкиваю, бегу к заветной двери, надеясь, что на улице меня еще не ждет охрана.

Толчок двумя руками – и морозный воздух вбивается в легкие.

Разгоряченное тело обдают миллионы острых игл – ничего, главное выбраться.

Черт! Делаю оборот вокруг себя. С четырех сторон здания и один въезд, закрытый решетчатыми воротами. Эхом разлетаются чужие тяжелые шаги, скрежет металла, а я мечусь загнанным зверем. Назад нельзя, остается попытать счастья, прорвавшись через ворота.

Легко бегу в тени одного из зданий, но и мягкая поступь отдается эхом в «квадрате» зданий.

– Тихо, слышишь?

Чужие шаги стихают, замираю и я. Перемещаюсь приставным шагом к пожарной лестнице. Первая ступень высоко. «Хоть бы не разложилась», – повторяю и повторяю про себя. Раскачиваюсь, толчок – и я хватаюсь за нижнюю перекладину. Секундный скрип – и тишина. Зажмуриваюсь, висю на руках, представляя, какой оглушающий скрежет сейчас разорвет мрак ночи.

– Ветер. – Мужской голос совсем рядом.

Подтягиваюсь и благодарю небо, что крепления заржавели. Стена дома находится в тени, спешно взбираюсь на крышу.

Ветер хлещет по щекам, трепля мои волосы, словно стяг. Я же мечусь от одного чердачного окна к другому в надежде найти открытое.

– Кажется, наверху.

Ветер доносит голоса. Нужно переждать, прячусь от непогоды за небольшим выступом и сажусь прямо на металлический скат.

Мелодия звонка набирает громкость, а я борюсь с замком кожаной куртки. Ну кому приспичило позвонить так не вовремя?!

– Алло, – шепчу я. Облокотившись на металлический лист, склоняюсь. Двое мужчин обходят территорию, методично осматривая темные углы, подсвечивая фонариками.

– Янка, ты где? – На заднем фоне звуки проезжающих автомобилей и голоса людей.

– В жопе я, Вика. – Хочется ругаться, но я замолкаю.

– Может, на крышу поднялась? – интересуется первый мужской голос.

- Да ну, – отвечает второй. Хлопки обуви бьют по нервам. – Не, точно нет. Не допрыгнуть.
- Ян, ты что молчишь?! – нетерпеливо спрашивает Вика.

А я уже слышу, как вежливый голос объявляет остановку и предупреждает, что двери закрываются. «Эта коза успела на последний автобус», – пульсирует в голове. Теплый, комфортный и безопасный транспорт. А я сижу на крыше пятиэтажки под порывами ледяного ветра. Отмораживаю задницу!

Сбрасываю вызов, отключаю звук и стараюсь выровнять дыхание, успокоиться.

Охрана покидает внутренний двор спустя двадцать семь минут. Замерзаю так, что стучат зубы. От злости на подругу не остается и малейшего следа, все мысли сосредоточены на доме, горячем душе и теплом одеяле. Заставляю себя подождать еще. Совершенно не чувствую ног, разминаюсь, осторожно прохаживаясь вдоль края.

Путь вниз по лестнице не кажется таким легким, каким был наверх. Тело с трудом подчиняется, пальцы рук норовят соскользнуть с ледяных металлических прутьев. Кованая калитка поддается без всякого труда. Не задерживаюсь, выглядываю на пустынную улицу и срываюсь с места. Бегу, разгоняя кровь по телу, согреваясь с каждым шагом и отдаляясь от проблем. Мое дыхание не сбивается, приходит понимание, что опасность миновала, сбавляю темп, перехожу на рысцу.

Дверь дома не заперта, останавливаясь в крохотном коридоре, по привычке втягиваю запахи, но посторонних не улавливаю. Последней выходила Вика, не удивлена, что та не закрыла дом.

На убогой кухне устало опускаюсь, скрипучий табурет издает жалобный писк. Из-под плотной резинки топа извлекаю свернутые купюры. Больше восьмидесяти тысяч. Отлично! Два месяца я могу не волноваться о деньгах. Ставлю чайник, собираю грязные скомканые салфетки со стола, привычным жестом выкидываю в мусорное ведро и застываю.

– Вика! – Я забываю про усталость, голод и отмороженные конечности. – Вика! Ты рехнулась?

Теперь понятно, почему открыта дверь. Подруга мирно спит на кровати с железным сетчатым дном или делает вид, что спит.

– Иванов Владислав, Шекуров Матвей, Алаев Александр, – шелкаю пластиковыми картами. – Зачем?! Ты же лучше меня понимаешь, как опасно связываться с пластиком! Зачем ты вообще полезла по карманам?

– Я не дура, чтобы светиться с пластиком в магазине. – Вика садится. На лице нет признаков сна, все же притворилась, надеялась, что спящую я не трону.

– А зачем взяла, для коллекции? – я швыряю карты поверх одеяла.

– Я еще днем отложила товары в интернет-магазине и оплатила, пока не заблокировали.

– Ты же понимаешь, что нас будут искать? В клубе камеры на входе и не только! О небо. Вика! Почему именно в «Прайде»? Я же тебя предупреждала!

– Все просто, у гостей этого клуба больше денег, – парирует подруга.

– Да тебя заберут, стоит появиться в пункте выдачи, неужели не понимаешь?!

– Я заказала доставку. – Вика собрала карты и тасовала, как настоящую колоду.

– Куда?! Куда ты заказала доставку? – уточняю я.

– Сюда. – Вместе с визгливым ответом подруги, на кухне заходится свистом чайник.

– Когда ты, не предупредив меня, дала деру из клуба, это один разговор. Но привести ментов в дом?! За что?! Ты же знаешь, что аренда на мое имя, у хозяина копия моего паспорта. Да что разговаривать! – Я хватаюсь за голову, пульсирующая боль в висках нарастает и нарастает.

– Мы все равно хотели сменить город после праздников, чем не повод?

– Это ты хотела! – я достаю из-под кровати объемную спортивную сумку. – А я нет! – открываю дверцы шкафа. Быстро сбрасываю содержимое всех полок.

– А ты все собираешься ходить и плакать под дверь своего дома. Подглядывать в окна за матерью?

– А это не твое дело! – я кричу, не сдерживая эмоций. – Чайник выключи.

Вика неохотно поднимается, идет на кухню.

– Ян, ну ты чего?

– Тебе в рифму ответить? Вик, ты серьезно будешь ждать курьера? – снимаю тонкие джинсы, меняю их на плотные штаны.

– Вообще, я надеялась, что ты встретишь.

– Даже комментировать не буду.

Мягкая толстовка приятно греет тело, убираю волосы в хвост. Собираю косметику и различные мелочи, что раскиданы по трем небольшим комнатам.

– Ян, можно же всегда прикинуться дурочкой. Сказать, что мужики сами оплатили, а в пьяном угаре забыли, – предлагает Вика.

– Я смотрю, ты сегодня активно ей и прикидываешься. – Документы и деньги я сложила во внутренний карман непромокаемой куртки.

– Ян, ты что, серьезно сейчас меня оставишь? Забыла... – Подруга начала свою заезженную пластинку.

– Я ничего не забыла, Вик. Но вот так глупо подставляться не собираюсь. Извини, подвезти не предлагаю, – я тащу сумку к выходу.

Глава 7

Оставляю Вику самостоятельно разбираться с кашей, что она заварила. Куда я могу поехать среди ночи? Только к Стасу в надежде, что он один и пустит переночевать.

Окна квартиры на первом этаже погружены во мрак, захожу в подъезд, сумка тянет плечо, жму на кнопку звонка. Тишина. С силой прикладываю палец, будто это поможет трели звучать громче.

– Стас, открой дверь, – шепчу я, разблокировав телефон.

– Алло. – Со второго гудка он берет трубку.

– Стас, привет. Ты дома?

Слышу шумный зевок:

– Да, Ян, сплю. – Секундное замешательство. – Ты сейчас где?

– Я под твоей дверью, откроешь?

– Секунду.

Тяжелые шаги за тонкой дверью, щелчки замка вселяют в меня надежду, что смогу согреться и выспаться.

– Привет, – я виновато улыбаюсь. Парень отходит в сторону, пропуская меня внутрь. – Я могу переночевать?

– Я уже открыл тебе дверь, – ворчит, растирая глаза. – Где Вика?

– Не знаю, – я снимаю куртку и ботинки.

– Утром расскажешь. В общем, – он бредет в комнату, – будь как дома. Я спать, мне с утра тачку пригонят.

Я оставляю сумку в коридоре и в первую очередь иду в ванную, включаю максимально горячую воду, согреваюсь. Переодеваюсь в шорты и футболку.

В квартире одна комната. Стас сместился на край кровати, оставляя место. А мог бы постелить и на диване. Ложусь с этими мыслями, укрываясь пледом.

– Стас, не надо, – шепчу я, чувствуя мужскую руку на талии.

– Не запрещай, – отвечает. Он сохраняет дистанцию, не прижимается всем телом. – Если только полная задница может заставить ко мне обратиться, я хочу хотя бы так воспользоваться этой возможностью.

Не шевелюсь, не возражаю, не хочу возвращаться к разговору годовалой давности.

Наши отношения закончились так же быстро, как и начались. Несколько лет бок о бок наложили свой отпечаток. Мы знаем друг друга разными.

Я и не воспринимала Стаса как мужчину. Друга, товарища. В моей голове он не имел половой принадлежности.

Мы отмечали покупку его квартиры. Небольшой однушки на первом этаже, но только его. Поцелуй стал для меня откровением, казалось, он не видит во мне девушку, так же, как и я в нем мужчину. Отношения продлились полгода, пока я не застала их с Викой.

– Это было один раз.

Фраза, прилетевшая мне в спину, запомнилась надолго. А «Стасик-разик» так и остался в обиходе.

Следующим утром я забрала вещи и попыталась жить самостоятельно.

С Викторией нас связывали только рабочие отношения, если можно так сказать.

Когда пригоняла подшаманить в мастерскую свою «девочку», то избегала встреч со Стасом, обращаясь к другим мастерам, полностью оплачивая работу. Как мне казалось, полностью. Позже случайно выяснилось, что техническое обслуживание стоит намного дороже.

Измена не стерлась из памяти, но больше не приносила той боли. Спустя год мы вновь можем проводить вечера вместе без взаимных упреков.

– Глазунью будешь? – Вопрос будит меня.

– Да, – я неохотно приоткрываю глаза.

Стас возвращается на кухню, а я глазею в потолок. В квартире мало что изменилось, будто в ней никто не жил.

– Готово.

– Иду, – я умываюсь, разбираю спутавшиеся волосы влажными руками. – Спасибо, – занимаю свое прежнее место.

– Вика звонила, тебя искала. – Парень быстро работает вилок, практически не пережевывая, проглатывает пищу.

– Я рада за нее.

– Можешь остаться. Она мне все рассказала. – Помешивает горячий чай.

– Сомневаюсь, – это ответ на оба предложения.

Он улыбается моим словам:

– Откуда в тебе столько гордости?

– Слишком мало, если я у тебя.

– Понял. – Он вскидывает ладони и отодвигает стул. – Ключи на месте, завезешь.

– Спасибо, – искренне благодарю я.

– Ага.

Когда в квартире стихают торопливые шаги, мою посуду и медленно прогуливаюсь по тридцати двум квадратным метрам. Не тороплюсь покинуть квартиру, знаю, если у Стаса работа, он вернется домой к ночи.

Присаживаюсь на диван, и меня окутывает яркий женский запах. Очень странно, что в постели я его не слышала.

Перебираюсь на кровать, листаю объявления в поисках жилья, желательно маленького частного домика. Меня устроит и летняя кухня, если в ней есть отопление, и хозяева найдут клочок земли, где смогу поставить Хонду. Откидываю варианты в районе, где жила последние полгода, не хватает случайно встретить хозяина бывшего жилья.

Возвращаюсь мыслями к Вике. Неужели, она ждет курьера? Мелькает желание прокатиться по улице, посмотреть, но мозг тут же признает его идиотским.

Я накидываю в избранное объявления, переодеваюсь, чтобы с утра проехать по адресам и взглянуть своими глазами. Пока сохнут волосы, обзваниваю, назначая встречи.

Два десятка сокращаются до нескольких единиц.

Дорого, без элементарных удобств, с ненадежными соседями через фанерную стену, грязно, без газового отопления— удаляю по объявлению из списка.

– Ладно, – я выдыхаю, убирая телефон.

Остаться у Стаса – дать ему повод думать, что я хочу вернуться. Придется искать квартиру на первое время или дешевый хостел.

Я паркуюсь напротив непримечательного бара со скромной вывеской «Южный ветер», оставляю свою «девочку» на стоянке перед входом. Если и продолжать поиски жилья, то в тепле и в компании с чем-нибудь съедобным.

В обеденное время посетителей единицы, я занимаю ближайшее место к барной стойке, устраиваясь на мягком диване.

Постояльцы провожают меня взглядом и возвращаются к своим разговорам.

– Твоя красавица? – Бармен кивает в окно на байк.

– Моя, – я коротко отвечаю, улыбнувшись, листаю ленту объявлений.

– Сколько лошадок? – кладет меню и по-свойски присаживается напротив.

– Не знаю, – отвечаю честно. – Что можно съесть?

– Сосиски и жареный картофель. До сколько разгоняется?

– Сто восемьдесят пять смогла выжать.

Адреналин помогает не терять связь с волчицей, кровь закипает в венах от чувства скорости. Довольно часто я бесцельно наматываю километры, сжигая бак топлива. Деревья, дома, люди – все сливается в единый размазанный поток, кроме черной ленты дороги впереди.

Мужчина лет пятидесяти уважительно качает головой.

– Достойно для такой малышки. Ну так что, есть будешь? – спрашивает он.

– Буду.

– Отлично, я тебе и чай сделаю. Погода сегодня мерзкая.

– Спасибо.

Мужчина прихрамывает, ловит себя рукой за барную стойку.

На кухню вслед за барменом торопливо входит парень, он театрально подкидывает бусины нитяных штор. Фоном – их возбужденный разговор, не вникаю в слова и смысл сказанного до определенного момента, пока мозг не вычленивает фамилию, от которой жар разливается по телу и скручивается вибрацией внутри. Затаив дыхание, не отрываясь от экрана телефона, я прислушиваюсь к каждому слову.

– Ты уверен? – узнаю голос бармена.

– Да, Рос, абсолютно. Об истинной Рокотова только сейчас и говорят. Альфа скрывал ее существование несколько месяцев.

Перед глазами плывут белые пятна, словно мелкие мыльные пузыри. Шестнадцать лет я не слышала эту фамилию.

– Ро-ко-тов, – шепчу, и каждый звук отдается болью в сердце.

– Человек, – выплевывает второй.

– Мы с тобой тоже люди.

– Пока, Рос, пока.

Бармен хмыкает.

– Ты еще веришь в скорое обращение? – спрашивает он.

– Конечно. И ты сможешь отомстить за свои увечья.

– Успокойся, – обрывает бармен, – и смирись с тем, что нас использовали и будут использовать, пока мы не сдохнем. Не обращают таких, как мы. А трогать девчонку Альфы не советую, яркий пример подобной глупости перед тобой. – Я пересаживаюсь на противоположный край дивана. Так мне видно происходящее. Бармен, надев фартук, стоит у плиты, помешивая деревянной лопаткой содержимое сковороды. Мужчина берет металлический ковш и стучит по левой ноге: – Или хочешь, как я? У меня хотя бы остались руки и вторая нога, а Бегемота собирали по кускам, – шепчет, откидывая ковш в раковину. – Там, где сейчас стоят мусорные баки. Поэтому мой тебе совет: меньше слушай кровососов и проживешь дольше. Не высывайся, шкет. За мои двадцать пять лет работы на них я не видел ни одного обещанного обращения.

– Это тебе не повезло.

– Да-да, – он скептически комментирует слова. – И не думай соваться на территорию волков. Я тебя предупредил, шкет, ни ногой в Озерную долину.

Я не поднимая головы, слежу за парнем, что вылетел из кухни.

– Приятного аппетита. – На чугунной сковороде шкворчит поджаренная картошка с тремя домашними сосисками. Я благодарно киваю и беру вилку. – Чай заваривается, не люблю я эту бурду из пакетиков.

– Спасибо, – отвечаю я хрипловато.

Обжигая губы, торопливо заполняю рот картошкой.

Пальцы вбивают в поисковик «Озерная долина».

Коттеджный поселок элит-класса «Озерная долина» находится рядом с территорией зоны покоя¹, имеет уникальные сосновые насаждения, место концентрации охотничьих животных и исчезающих животных – резерват «Озерный». Коттеджи выполнены в итальянском стиле, особняки имеют выразительную...

Откладываю телефон, принимая кружку чая.

Листаю немногочисленные фото. Мы ведь вполне могли жить в одном из таких домов: ухоженном, с зеленой лужайкой и ровными рядами кустарника – я, отец и мама.

Шестнадцать лет назад я последний раз слышала фамилию Рокотов от своего отца. Перед исчезновением он изо дня в день повторял о новом Альфе, что предал и занял его место.

Забываю о поисках жилья, о вещах, что остались в квартире Стаса.

Папа часто рассказывал о жизни в стае, об устоях, обычаях и ритуалах, которые казались сказками, выдуманными только для меня. Говорил, что скоро все изменится и мы будем жить в огромном доме, с бассейном и озером, а я смогу выбирать в магазине игрушек все, что заблагорассудится. Нужно лишь показать пальцем, и оно будет моим. Но вышло с точностью до наоборот. Отец не вернулся, мы жили в крохотном доме, а редкие игрушки выбирала только мама.

Пью чай, наблюдаю за неторопливыми движениями бармена и не могу придумать повод для разговора. Спросить в лоб – глупо. Да и никак не подвести болтовню ни о чем к нужной мне теме.

– Что-то еще? – Мужчина ловит мой пристальный взгляд.

– Да. А не подскажете, как добраться до Озерной долины?

Надо отдать должное, даже взгляд не отвел. Повел широкими плечами, отрицательно качая головой:

– Тысячу лет никуда не выбирался дальше своего бара, – задрал штанину, демонстрируя металлический протез. – Как видишь, я не любитель прогулок. А что там, турбаза?

– Нет, там недалеко заповедник. Хотели прогуляться с друзьями.

– А, ну так поищи, – кивает на телефон. – Сейчас это проще простого.

– Да, спасибо.

У меня только что появился новый маршрут для прогулок.

¹ Зона покоя – земельные или рыболовные угодья, преимущественно в местах массового размножения диких животных. В ней запрещается пребывание посторонних людей, домашних животных, а также все виды деятельности, нарушающие жизнь обитающих там животных.

Глава 8

Илья

Кран с потоком дерьмовых событий наконец-то кто-то перекрыл, и дни вернулись в раздражающе спокойное русло.

Все проблемы, что накопились за два с половиной месяца, решались одна за другой. Но по сценарию вселенской подлости, стоит только задуматься над этим, даже не произнести...

– Коваль! — Возбужденный голос друга вырывается из динамика.

– Ну что? – я раскачиваюсь на кресле.

– Спасай. Нужны ключи от твоей квартиры. Они у тебя с собой?

– Допустим, – я скинул ноги со стола. Разговор начал принимать интересный поворот.

– Мне Леську надо спрятать. Ее отец на пятки наступает, я не хочу оставлять девочку в чужом месте и домой привезти еще не могу.

– Голову застудил, Мит, приводить девочку в квартиру, что пропитана запахами других женщин?

– Я сказал, что она твоя, – легко отвечает друг, чем вызывает мой смешок.

– Квартира моя, а пользовались мы ей вдвоем.

Тишина выдает активный мыслительный процесс Мита.

– Отмою, – неуверенно выдает он.

– Не дури, вези Леську домой. Признавай парой и живите в свое удовольствие. Официально заявляю, что обретение пары влияет на мыслительный процесс. Ты отупел, Рокотов. Зачем тянете Платова за яйца, ждете, чтобы глупый побег девочки из-под отцовского крыла перерос в полноценный конфликт двух стай? Вези домой, падай в ножки Лео и проси принять. Тем более ты имеешь на это полное право. Что заткнулся-то? – отнимаю от уха смартфон проверить, вдруг связь оборвалась.

– Думаю, что ты дохрена умный.

– Безусловно, и горжусь этим. Мне-то никто мозги не плавит.

– Да помолчи уже, я все понял. Наверное, ты прав, – соглашается друг.

– Не «наверное», а абсолютно точно.

– А ты мог бы попетлять за меня?

– Чего? – Мой кабинет находится на первом этаже, рядом с постом охраны. Я присаживаюсь на прохладный подоконник, Ира поднимается по ступеням к главному входу, ловит мой взгляд в окне, а я растягиваюсь в нахальной улыбке и маню ее пальцем. Девушка кривится с тихим ругательством: «Идиот».

– Помоги от платовских оторваться, устал круги наматывать. Леська меня ждет, она одна в гостинице. А я второй час их вожу по достопримечательностям нашего города.

– Да, ты прав, гостиница ужасное место. После двух часов Леська никогда не будет прежней. Гостиница, – растягиваю слово. – Это там, где держат убийц, насильников и маньяков?

– Ой, да заткнись, – огрызается друг.

– Где по стенам бегают сороконожки, с потолков падают тараканы, а во влажной постели мокрицы откладывают личинки, пока ты пытаешься добраться до кровати, переступая через крыс?

– Коваль! – оглушает Мит недовольным рычанием.

– М-м-м?! Говорю, действительно ужасное и неподобающее место для девушки.

– Так сможешь или нет?

– У меня на заднице ткань залоснилась от кресла, как думаешь, помогу? – спрашиваю я.

– Буду у третьего склада через... э-э-э, секунд тридцать. Возьми ключи от своего «трактора».

– И документы? – я снимаю куртку с вешалки.

– Жду, – он игнорирует мой вопрос.

Выхожу на улицу с легким предвкушением. Офисные будни убивали во мне волка. Хотелось размяться, ощутить свободу, вдыхать полной грудью свежий воздух, а вместо этого – кабинет, монитор, запах топлива и выхлопных газов, да и отопление шпарит так, что ворот рубашки постоянно влажный.

Захожу на склад.

– Раздевайся. – Мит нетерпеливо хватается за молнию моей куртки, появляясь, словно черт из табакерки.

– Полегче, детка, я сам.

– Давай побыстрее, – он бросает нетерпеливые взгляды мне за спину.

– А что, прям догола? —я протягиваю куртку и беру за пряжку ремня.

– Обязательно, и трусами поменяемся, – Мит отдает свой пуховик. – Шапку надень.

– А то уши нахрен застудишь? Зачем мне шапка? – верчу я в руках искусственную ушанку.

– Затем, что мы не близнецы. Блондин, – друг указывает мне на голову, – брюнет, – вытягивает прядь своих волос. – Блондин, – повторяет, – брюнет! Еще раз объяснить, или уже дошло?

– Ты сегодня на удивление мерзкий. Я тебе говорил?

Мит надвигает шапку мне на глаза, ерошит искусственный мех пальцами:

– Роба у тебя, – разводит ладони в характерном жесте. – Сразу видно, не голодаешь. Будешь выходить, склонись к телефону, что ли. За воротами тебя встретит автомобиль Платова.

– И куда их вести? – я сдуваю синтетический волосок, щекочущий веко.

– Куда-нибудь в область скатайся. На фермы, например.

– Не, ты мне дорог, но не настолько, чтобы день протирать брюки о сиденье авто. Даю тебе два часа, максимум три и еду домой, что-то не хочу сегодня возвращаться на базу. Закончу эту рабочую неделю пораньше.

– Спасибо.

Мит кидается ко мне с объятиями, хлопает ладонью по спине, а я в очередной раз отмечаю влияние пары на умственную деятельность оборотня. Высосали проблему из пальца, или – призадумался – это своего рода игра. Погоня, преследование. Нужно попробовать.

– Иди. – Мы покидаем укрытие за стеллажами. – И помягче веди, а то сразу выкупят.

– Нормально я вожу. – огрызаюсь я.

Перед выходом из склада руки тянутся поднять воротник повыше, скрыв лицо. Прислушиваюсь к совету, я достаю телефон, склонившись, листаю фото в галерее. Не отрывая головы, снимаю с сигнализации и занимаю водительское сиденье.

Ну что ж, прокатимся.

Бесцельно петлять по улицам города оказалось скучным занятием. Забиваю в навигатор адрес с сегодняшнего дня моего самого любимого книжного магазина, расположенного на другом конце города. Ехать с конечной точкой маршрута, безусловно, приятнее. Поглядываю в зеркало заднего вида на белый седан, что, не скрываясь лавирует в потоке автомобилей.

– Я не буду пересекать российско-китайскую границу, и не проси, – переключаю звонок Мита на громкую связь. – И у меня лоб вспотел от твоего горного выхуля. На светофорах люди смотрят, как на идиота. В рубашке и в шапке.

– Если пальцем не показывают, у тебя есть все шансы сойти за умного.

– Пока твоя машина у меня, закатаю наглухо тонировкой вместе с лобовым стеклом, – отвечаю я мстительно.

– Я не против. Все, отбой. Можешь возвращаться.

– Забрал зазнобу? – с чувством полного удовлетворения я стягиваю ушанку. С коротких волос слетают капли пота.

– Да. – Мит в очередной раз напоминает о юбилее Лео.

– Не забуду, – я сбрасываю вызов. – Как тут забыть, – ворчу себе под нос.

Послеобеденная пятница – проклятое время, город встал в пробках. Мечта раньше добраться домой испускала предсмертный вздох на каждом светофоре. Наконец, удалось проехать центр, настроение стремительно взлетело, я давлю педаль газа, игнорируя недовольные звуки клаксона. Увеличиваю громкость динамиков и наслаждаюсь музыкой, отбивая ритм ладонями по рулю и напевая.

Я сбрасываю скорость перед поворотом на накатанную грунтовую дорогу. – А про вас я и забыл. – Белый седан, чуть снизив скорость, проезжает прямо. Машу приветственно рукой, не забывая улыбаться кому-то из платовских волков. – О-о-о, Мит, да твоя машина дрянь, – ощущаю вибрацию задницей. Сбрасываю скорость у въезда в поселок, пропуская байк. Давно пора расширить разъезд, вновь отмечаю про себя, чтобы забыть через секунду.

Четырехчасовая прогулка в шкуре зверя, и я падаю довольный и без сил. Все же приятно бродить по лесу, впитывая запахи, пробежаться по еще рыхлой земле, покрытой отсыревшими листьями.

Вечер пятницы и субботу я провожу в горизонтальном положении, игнорируя анонсы вечеринок и приглашения. Многолетним привычкам изредка полезно изменять, да и нужно учиться развлекаться без Мита. Как бы странно ни звучало, но я даже испытываю что-то сродни ревности. Вот так в один момент взять и потерять друга.

– Ром! – я отталкиваю ведерко с куриными крылышками и стряхиваю сухари, налипшие на футболку. – Ты занят?

– Я глажу рубашку.

– В одиннадцать вечера? – я поднимаюсь с дивана. – Достойное занятие для парня. Не хочешь прокатиться?

– Не-а.

Я иду на голос брата.

– Ты серьезно? Выбираешь утюг вместо девчонок? Он, безусловно, горячее...

– Смирись, старший, я не люблю тусовки. – Он поджимает губы, утвердительно качая головой.

– Я начинаю сомневаться в тебе, брат мой.

– Не сомневайся, – Рома педантично отпаривает залом на рукаве.

– Ты еще больше укрепил меня в подозрениях. А не домосед ли ты, часом? Домосятина, – огрызаюсь я.

Младший вскидывает руку в характерном жесте, демонстрируя средний палец, и возвращает меня мыслями к брюнеточке. Тонкая, с мраморной кожей и колючим взглядом. Интересно, какого цвета у нее глаза? Издалека казались темными. Вот бы рассмотреть при свете дня и снять с ее лица всю дрянь, что она навешала. Может, проехать по клубам, поискать?

– Ты куда?

– Спать, – своим ответом я удивляю брата. Еще не хватало мотаться по городу в поисках костлявой разводилки. – Нет, – меняю решение, – пробегусь, а потом спать.

– Вещи не разбрасывай, – Ромка зудит мне в спину.

– Если бы не был уверен, что это невозможно, подумал бы, что у нас разные отцы, – я комкаю футболку и кидаю на диван.

Распахиваю дверь, голое тело обдает ледяной крошкой. Утренний снег, подтаяв на солнце, покрылся тонкой коркой и приятно потрескивает под лапами. Я неторопливо бегу вдоль домов, с неба срываются мелкие снежинки. Параллельно своим шагам улавливаю еще одни – человеческие. Стоит мне остановиться, замирают и они. Всматриваюсь в темноту, втягиваю воздух, но кто бы это ни был, он с подветренной стороны. Наугад бросаюсь между двух домов и замечаю темную фигуру. Всю в черном, свободных штанах и огромной толстовке с глубоким капюшоном. Человек делает шаг назад, скрываясь во мраке, и я теряю возможность рассмотреть черты лица. Мягко наступаю, моим движениям вторят, отступая по диагонали. Предупреждающе рычу, уверен, что незнакомец не из нашей стаи – чужак, но он не останавливается и не бежит испугавшись, продолжает равномерно шагать. Первое, что приходит на ум, – волк Платова ищет сбежавшую девчонку, Лесю. А незнакомец ускоряется, скрывается за верандой соседского дома. Торопливые шаги, щелчок, рокот мотора – и я клацаю пастью в пустоте, ослепленный ярким светом фары.

Останавливаю себя, чтобы не сорваться на бег. Не хватало, словно псу, гоняться за велосипедистами, в моем случае мотоциклистами.

– Малец! – я возвращаюсь домой. Встреча не дает мне покоя. – Ты сегодня не видел дрища на мотоцикле?

– Не-а.

– А я видел. Дважды. – В памяти всплывает вчерашняя встреча.

Глава 9

Яна

Расплачиваюсь за обед, а меня словно бьют по голове, нужно было бежать за тем парнем, что разговаривал с барменом. Познакомиться, поговорить, если придется – угрожать, применить силу. Перекидываю ногу через седло, зависаю не только в мыслях, но и физически, повторяя в памяти подслушанный разговор. Мужчины говорили о кровососах и обращении. Неужели сказки отца не были выдумкой? Что я знала о вампирах? Они пьют кровь, бессмертны, вечно голодны и очень сильны.

Убираю подножку, крепко удерживая руль, сдаю назад и вливаюсь в поток машин. Еще в баре тщательно изучила дорогу в долину. Сама не знаю, зачем я туда еду. Столько лет избегала случайных встреч с оборотнями, внутри меня жил страх, что они меня узнают – узнают по запаху, поймут кто я и... убьют, как убили отца.

И сейчас боюсь, хоть и не знаю, для чего и кого я живу. Исчезни, и вряд ли кто-то вспомнит.

Несмотря на бессмысленность своего существования, обрывать его совершенно не хочется.

Меня же гонит любопытно, желание увидеть своими глазами то место, где моя семья могла бы жить. Где мы могли быть счастливы.

Съезжаю с основной трассы, навигатор ведет по узкой дороге, на которой впритирку разъедутся два автомобиля. Голые поля, припорошенные снегом, сменяются кустарниками и редкими деревьями. Различаю бордово-коричневые крыши домов. Ничего же не произойдет, я проеду туда-сюда по улицам? Всегда могу сослаться на знакомых, что живут в конце квартала, или на нерадивый навигатор. Сбрасываю скорость. Здесь должно быть очень красиво летом, даже сейчас, когда только-только припорошило тонким слоем снега и виднеются серые земляные прогалины, я не могу отвести глаз от домов. Все разные, но в едином стиле: светлые, со множеством окон и крышами цвета красного кирпича.

За стенами слышно жизнь: оборотни общаются, обедают, смотрят телевизор, кто-то даже поет – простые действия вызывают во мне неконтролируемую тоску и злобу. Злобу на отца, на мать, на себя, на всех вокруг! Слово у меня украли жизнь.

Один круг, второй... интересно, а который из домов принадлежит Альфе?

Рокотов – фамилия бьет по нервам, поднимаясь холодком по спине.

Сворачиваю к выезду, но я вернусь, возможно, очень скоро. Иррациональное желание взглянуть в лицо предателя занимает твердые позиции в душе.

Вовремя я решила закончить экскурсию, навстречу несется белый внедорожник, притормаживает, пропускает.

Какой-то дурной рок: снова блондин из ночного клуба. Левая кисть висит на руле, а сам откинулся на сиденье, мимолетно, без интереса взглянул на меня и свернул в первый проезд.

Вроде бы ничего не произошло, а сердце заходится в диком ритме. Случайная встреча выбивает из колеи, я не знаю, кто он и какое место занимает в стае, но мне кажется, блондин – именно тот, кого я ищу. Не зря же судьба нас сталкивает раз за разом.

В нагрудном кармане куртки вибрирует телефон, я паркуюсь у заправки, снимаю шлем. Прохлада приятно ласкает кожу головы, успокаивая и умирняя мысли.

– Прости, Стас, я сейчас завезу ключи. Ты уже дома?

– Не нужно. Хотел убедиться, что у тебя все нормально, – отвечает парень.

– Нормально. В ближайшие пару часов не собираешься домой? У меня встреча.

– Да без проблем. Я тут точно часов до десяти.

- Спасибо, Стас. Не помню, благодарила тебя или нет.
- Забей.

Еду вдоль реки, по старому городу. Колеса считают гладкие камни, двухэтажные отреставрированные здания перемежаются старинными деревянными постройками. На них ни капли краски, природа давно взяла свое: доски приобрели красивый темный оттенок.

Дома в один этаж с резными ставнями и коньками крыш даже в таком виде радуют глаз. У калитки встречает невысокий мужчина, проводит по трем комнатам старинного дома. Все неудобства перекрывают вид на набережную и стоимость.

– Жильцы съезжают через три дня. Здесь можешь поставить мотоцикл, если получится открыть ворота. Ими лет пять не пользовались, петли уже заржавели. Но учти, дом выставлен на продажу, очень надеюсь, что выкупит какой-нибудь залетный из-за вида. Смотри, какая красота, – широко провел рукой вдоль ленивой реки. – Цену я поставил хорошую, жду своего клиента.

– Я вас поняла, придется съехать.

– Именно. Не волнуйся, неделька будет, пока оформляются документы. Да и не думаю, что кто-то в зиму начнет стройку. Так что до весны можешь рассчитывать. Добро? – спрашивает владелец.

– Добро.

Мы обсуждаем условия, вношу символический аванс и отзваниваюсь Стасу.

– Еще звонок, и я подумаю, что ты скажешь по мне.

– Если хочешь, я могу соврать.

– Соври, – отвечает он в том же игривом тоне.

– Ты сейчас с кем-то встречаешься? – я произношу вслух и ужасаюсь формулировке вопроса.

– Нет. – Ответ прилетает моментально.

– Я неправильно сформулировала вопрос. Если я останусь у тебя еще на ночь, у тебя не будет проблем?

– Зачем ты спрашиваешь, если я уже сказал «нет».

– Не хочу давать тебе ложных надежд. Жилье, что нашла, освободится через три дня. Сегодня я устала и не хочу тащиться с сумкой в хостел, а завтра освобожу твои квадратные метры.

– Ян, иногда лучше промолчать. Учись уже хотя бы не врать, но недоговаривать. Приготовь что-нибудь поесть, будем считать это платой.

Возвращаюсь в квартиру, наспех готовлю тушеную картошку с куриными бедрами, найденными в морозилке. На часах шесть вечера, глаза смыкаются, усталость охватывает не только голову, но и все тело. Сворачиваюсь клубком на диване, накрываюсь пледом, проваливаюсь в сон. Это так приятно, я вернулась в детство. Мы завтракаем. Отец подкладывает в мою тарелку клубничное варенье, улыбается и прикладывает палец к губам. Смешно и страшно, вдруг мама обернется и прознает наш обман. Ем, забывая намазывать на оладьи, мама отворачивается к раковине, а я жду еще одну щедрую порцию, прихватив губами кончик чайной ложки. На сердитый взгляд папа спокойно отвечает: «Люб, прячь не прячь варенье, не поможет. Янка же у нас обезьянка, залезет на любую высоту». Помню ссору, что испортила утро, мама переживала, что я ем много сладкого. Пугала гнилыми зубами, лишним весом, болями в животе и прыщами, что обязаны обсыпать мое лицо в подростковом возрасте. «Вот увидишь, ничего этого не будет». Ответ злил маму только сильнее. «Она будет здоровой, сильной и красивой». Отец примирительно закрывает банку и манит маму на колени. Лишь во сне четко вижу крупные черты лица: серо-зеленые глаза, тяжелый подбородок. Не шевелюсь, зажмуриваюсь, пытаюсь поймать, удержать. Но стоит открыть глаза, и образ отца заволакивает дымка.

– Ты сама виновата, Вик. – Голос Стаса совсем рядом.

– Ну в чем я виновата?!

– Да ладно, не прикидывайся дурой, тебе не идет.

Свет проникает сквозь открытую дверь, тихо поднимаюсь на ноги, голоса мне не кажутся, в кухне действительно кто-то есть.

– Я и не прикидываюсь. Яна опять спит? – Вика заглядывает, щелкает выключателем. – Привет.

– Выключи свет, – я закрываю ладонями лицо.

– Без проблем. Как дела? Жилье нашла?

– Нашла, – я собираю волосы в хвост.

– А я так и подумала, что ты у Стаса.

– Угу, – я прохожу мимо, – зачем ты ее привел?

– Ян, она такая же моя подруга, как и ты, я не могу ей отказать. Ты не закрыла входную дверь, – он поворачивает головку замка.

– Безотказность – твой конек, – фыркаю я.

Возможно, не следовало этого добавлять, но уже поздно.

– Вик, накрой на стол, – просит Стас, игнорируя мой выпад.

Положив подбородок на кулак, я наблюдаю за суетливыми движениями на кухне. Вика раскладывает по тарелкам второе, режет хлеб, достает вилки.

– Ян, помоги. – Открывает дверку шкафа, но рост не позволяет ей дотянуться до нужной полки.

– Возьми стул, – советую я.

– Ты будешь? – Вика прокручивает в пальцах стопку.

– Нет.

Стас устало сползает по стене на табурет, разливает коньяк.

– Сегодня был тяжелый день, – он выпивает, не дожидаясь Вики.

– Да, я устала сидеть в засаде. Пришлось лезть через забор к соседям, когда они ушли на работу. Но, – театрально замолкает и выдерживает паузу, – я все получила. Это тебе. – Вика оставляет перед тарелкой тонкий золотой браслет. – В знак примирения.

– Спасибо, – я убираю украшение в карман. – Или ты думала, откажусь?

– Нет, конечно. Зря переживала, Ян, – отряхивает ладони, будто только что закончила тяжелое грязное дело. – Курьер приехал до обеда, как и обещали в службе поддержки, и никаких ментов. Давай еще по одной, – придвигает пустую стопку.

Я доедаю картошку, наливаю чай, оставляю Стаса с Викторией наедине. Слышу нескончаемую болтовню о планах на новогодние праздники, удивительно, но и мое имя присутствует. С каждым звоном стопок речь собеседников становится громче, смех ярче, а высказанные мысли смелее.

– Янка же за стенкой. – Хрипловатый женский голос достигает сознания.

– Она уже спит.

Я быстро одеваюсь и выхожу на площадку. Я не хочу и не буду слушать размеренные удары стола по стене в сопровождении визгливых стонов, заглушенных мужской ладонью.

Те принципы, что заложили родители в детстве, не пропали, они деформировались под сложный мир, но что-то осталось неизменным: верность и любовь к друзьям и своим близким. Преданность.

Кажется, она знакома не всем.

Сама не понимаю, почему все еще общаюсь со Стасом и Викторией, наверное, потому что у меня больше никого нет...

Второй раз за день я блуждаю по Озерной долине. Оставляю мотоцикл за пустующим домом и осторожно прогуливаюсь, заглядываю в не зашторенные окна. С момента последнего визита к матери не ощущала себя столь жалкой. Я просто стояла и наблюдала за ее действиями:

как она метет пол, чистит овощи, ходит из комнаты в комнату. Мама так и осталась одна, не смогла сойтись с другим мужчиной.

И сейчас я подпитываюсь чужими эмоциями— простым жизненным счастьем.

Щелчок замка, снова он, блондин из клуба. Полностью обнаженный. Это так странно, не боюсь и не смущаясь, выходит на улицу голым.

Его грудная клетка высоко поднимается, шумно поглощая воздух. Он делает несколько шагов босыми ногами по ледяной крошке.

Я же прикусываю язык, чтобы не крикнуть: «Эй, Рокотов!» – и ждать реакции.

Блондин с легкой улыбкой ведет плечами, разминает кисти рук и падает на лапы. Никогда не видела оборот со стороны. В груди плещется восторг, трепет и страх. Какой же красавец! Зверь песчаного окраса, высокий в холке, с широкой грудью ступает мощными лапами по дорожке, оставляя крупные следы. Завороженно шагаю параллельно, не забывая держаться в тени.

Волк поворачивает голову, а я в ужасе замираю, порыв ветра вбивает в мои легкие терпкий запах. На долю секунды теряюсь. Тело действует на автомате, реагирует на приближение, синхронно отступая, а я не могу надышаться, ладони накрывают горло, поглощая сдавленный всхлип. Редкие слезы скатываются по щекам. Я ускоряю шаг, одним движением стираю рукавом влагу.

Как же я беспечна! Несколько шагов, прыжок – и зверь настигнет меня.

Только не подведи, поворачиваю ключ зажигания, складываю подножку и включаю скорость. Срываюсь с места, чудом избежав столкновения с мощным телом зверя. Прижимаюсь, удерживаю грудью оставленный на топливном баке шлем. Блондин не торопится пускаться в погоню, но это не мешает моему сердцу учащенно колотиться. К горлу подкатывает тошнота. Зверю не догнать, останавливаюсь перевести дыхание: не могу справиться со своим телом, меня выкручивает, тянет куда-то. Скидываю капюшон, медленные глубокие вдохи не помогают. Мучает жажда, а я не знаю, чем ее утолить.

– Чертовщина, – шепчу я, убирая прилипшие волосы ко лбу. Кожа покрывается горячей испариной. – Сегодня очень тяжелый день, – уговариваю себя, разглядывая трясущиеся пальцы. Надеваю шлем, обещая себе, что буду внимательна на дороге, медленно трогаюсь к трассе.

Глава 10

Илья

– Отличный праздник, Вела. – Альфа с сестрой встречают гостей у входа. Сегодня Рокоту исполнилось ровно четыре сотни лет. Из просто красивой даты день рождения превратился в смотрины его истинной – Жени. Этот вечер – ее первый официальный выход в роли пары Альфы.

– Спасибо. Отличный костюм. – В светской манере волчица отвечает комплиментом на комплимент.

– Специально для юбилея покупал, – хвастаюсь я.

– Я оценил твои жертвы, Коваль. – Лео тянет ладонь для рукопожатия.

– Очень надеюсь. С праздником! – позволяю себе обнять друга. – Живи еще лет триста и двести на карачках ползай.

– Да-да. – Лео пропускает пламенные пожелания мимо ушей. – Подарок где?

– Когда твой брат стал таким меркантильным? – я уточняю у волчицы.

– Это приходит с возрастом. – Вела шепчет, склонившись ко мне, и смеется. – Добрый вечер, Роман, – переключается на моего младшего брата.

– Ты думаешь, я зажал подарок, решив, что у тебя и так все есть? Не угадал! Минуту.

Приходится выйти за территорию особняка. Я готовился ко дню рождению не за один месяц. В багажнике автомобиля два мешка отборных зерен кофе, заказанных заблаговременно. Яркий аромат приятно садится на языке, еще несколько дней мой «трактор» будет напоминать кофейню.

– Темная обжарка, – подбрасываю левым плечом мешок, – и очень темная, – хлопаю ладонью по правому. – Надеюсь, хватит до следующего года.

– Неси сразу на кухню! – Вижу по глазам Лео – угодил. Именинник не торопится помочь, руководит. – Хоть кто-то подарил что-то стоящее, – цедит сквозь зубы, принимая мешок.

– Знал, что оценишь., – замечаю я.

– Турка на месте. – Лео бережно вскрывает плотную мешковину, берет несколько зерен и закидывает в рот. – Мне нужно Женю встретить. Ну ты понял, – указывает на кофе, – вари. Хочу попробовать.

– Да что тут понимать, – я засыпаю зерна в кофемолку.

– Сваришь и мне? – Дара застает меня в процессе приготовления. – Лео приучил к хорошему, а теперь приходится туго.

– Удивлен встрече. – Что ни говори, но волчица хороша собой. С правильными чертами лица, аппетитной фигурой, правда, нрав... гадкий. – Или ты без приглашения, через окно?

– Через забор, Коваль. – Она ставит пару чашек на столешницу. – Я хотела извиниться перед Лео. Вела как добродушная хозяйка вечера не отказала. Не хочется заканчивать наши отношения на поганой ноте.

– Не пришей кобыле хвост, – я разливаю терпкий напиток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.